

СПЕЦВЫПУСК

О ЧЁМ ГОВОРИТ СМОЛЕНСК

ежемесячный журнал

№13 (316) от 16 декабря 2025 г.

издается с января 2010 г.

«Я ВЕРНУЛСЯ»

“ Смоленщина – земля защитников. Здесь хорошо понимают: долг перед теми, кто сражается за свою страну, не имеет срока давности. Наша поддержка участников СВО и их семей – это не разовая акция, а стержень государственной политики. Это прочная основа. Это та несокрушимая связь фронта и тыла, которая делает нас сильнее и приближает к Победе.

Василий Анохин
губернатор Смоленской области

“ Проект «Единой России» «Всё для фронта» – это наша общая миссия, выражение поддержки и благодарности тем, кто защищает рубежи нашей Родины. Участники СВО – настоящие герои, которые, продолжая традиции наших дедов, стоят на страже мирного неба и безопасности страны. В Смоленске, который не единожды являлся щитом России, первым принимал на себя удар врага, жители города особенно остро чувствуют, что сегодня оставаться в стороне нельзя. Поэтому и депутатский корпус, общественные и волонтерские организации – все мы продолжим поддерживать наших защитников, пока это будет необходимо, до самой Победы.

Игорь Ляхов
председатель Смоленской областной Думы,
секретарь регионального отделения «Единой России»

От редакции

Вы держите в руках спецвыпуск журнала «О чем говорит Смоленск», посвященный смолянам-участникам СВО. В его основу лег наш авторский проект «Я ВЕРНУЛСЯ». Это честный и открытый разговор о главном. «Я ВЕРНУЛСЯ» — проект, героями которого стали смоляне, вернувшиеся домой из зоны СВО.

Без всяких преувеличений можно сказать, что все эти ребята — достойная смена своих героических предков, защитивших от фашистов весь мир.

Преемственность поколений — как раз то, на чем всегда стояла наша страна. К сожалению, с каждым годом ветеранов Великой Отечественной войны становится меньше. И не все они (в силу здоровья) могут рассказать подрастающему поколению об истинных ценностях, которые познаются зачастую ценой жизни людей.

Сейчас эту патриотическую эстафету «личного примера» подхватывают участники СВО, которые в очередной раз спасают мир от нацизма. «Такие, безусловно, не отступят, не подведут и не предадут». Теперь они являются собой пример не только для молодежи, но, быть может, и для своих ровесников.

Причем, они не просто патриоты России, не просто воины. Они герои, которые с честью преодолевают физические и психологические трудности. А возвращаясь в мирную жизнь тем, кто сражался «за ленточкой», кто терял своих товарищ в бою и сам побывал на волосок от смерти, очень непросто.

Но «афганский синдром» — это не их история. К счастью, это явление осталось в далеком прошлом, в том «смутном времени» девяностых, когда государству не было никакого дела до своих героев.

Наша страна милостью Божией «очнулась», и теперь участники СВО должны стать новой элитой России, как говорит Владимир Путин. В проекте «Я ВЕРНУЛСЯ» мы хотим отследить, в том числе, и то, как страна встречает своих героев, вернувшихся с поля боя.

Наши интервью с участниками спецоперации в рамках проекта «Я ВЕРНУЛСЯ» — это разговор об их военных буднях и подвигах, о мотивации, о том, как они возвращаются к мирной жизни: какие сложности, какие планы и мечты, что они думают о мирной жизни.

Этот спецвыпуск журнала «О чем говорит Смоленск» — это, в том числе, возможность увидеть, как Смоленщина встречает защитников своей страны. В 2025 году в Смоленской области стартовал аналог федеральной кадровой программы «Время героев» — «Герои СВОего времени. Смоленск». Эта программа — не просто помочь. Для многих участников СВО это «спасательный круг», который не даст им утонуть в апатии и депрессии.

И то, что губернатор Василий Анохин и правительство Смоленской области уделяют огромное значение реабилитации и социализации вернувшихся смолян из зоны СВО, то, какое внимание они уделяют семьям участников СВО — крайне важный аспект. Спецвыпуск как раз сфокусирует внимание на этом аспекте работы. Мы расскажем, что думают об этом сами ветераны СВО.

Мы планируем не только показать силу духа смолян-героев (а они герои все, вне зависимости от наград), но и собрать воедино два ключевых компонента нашей Победы (которая обязательно будет): мужество наших солдат и системную поддержку ребят и их семей, которая осуществляется здесь, в тылу.

Задумывая этот спецвыпуск, мы хотели проложить мостик между теми, кто сражается, и теми, кто ждет их здесь, дома. Это возможность для каждого жителя Смоленской области заглянуть в глаза нашим защитникам, услышать их искренние слова, понять их боль, их радость возвращения и их надежды.

Главный редактор медиапроектов
«О чем говорит Смоленск»
Светлана САВЕНОК

Василий Анохин

«Наш долг перед теми, кто сражается за свою страну, не имеет срока давности»

— **Н**а Смоленской земле, испокон веков стоявшей на защите рубежей России, из поколения в поколение передается особая отвага. Не зря здесь говорят, что ген героизма у наших ребят в крови. И сегодня они, наши современники, сыновья и братья, пишут новую страницу истории, с честью неся службу на передовой.

Смоленщина гордится своими воинскими частями, которые сейчас в самой гуще событий. На передовой держат оборону наши земляки из 144-й гвардейской Ельинской дивизии, бойцы 359-го мотострелкового полка, сформированного преимущественно из смолян, воины 25-го отряда спецназначения «Меркурий», воины-зенитчики 49-й зенитной ракетной бригады и ряда других подразделений. Это наши защитники. Наша гордость.

Их подвиг — не просто слова. Он подтвержден высшими государственными наградами. Ордена Мужества были удостоены 117 наших ребят. Семеро получили орден Святого Георгия. Звания Героя России удостоились шестеро наших земляков. Пятеро из них — выпускники нашей прославленной Военной академии ПВО.

С волнением и болью в сердце мы произносим имена тех, кто отдал жизнь за Родину. Четверо

из шести Героев России получили это звание посмертно. Их имена навсегда вписаны в историю смоленской земли. Мы помним и тех, кто продолжает сражаться: Кирилл Деменков и Александр Тютерев, командир десантно-штурмовой бригады, — наши живые легенды, олицетворение мужества и стойкости.

Наша академия ПВО — это не просто вуз, это кузница героев, наше наследие и наша гордость. В 2023 году она вошла в состав Воздушно-космических сил России, а в 2024 была удостоена ордена Кутузова. Десять выпускников этой академии носят звание Героя России — это ли не лучшее доказательство ее высочайшего уровня? Все профессора здесь — боевые офицеры, и их бесценный опыт сейчас помогает надежно удерживать ситуацию в регионе, отражая атаки врага.

Крепкий тыл — это не только наша воинская гордость, это и ежедневная кропотливая работа по поддержке наших бойцов и их семей. Мы максимально внимательно относимся к семьям ребят, находящихся на передовой: к матерям, женам и детям.

В регионе организован масштабный комплекс мер поддержки для семей наших военнослужащих. Мы внедрили региональный стандарт поддержки участников

СВО и их семей и приняли важное решение о том, что из 50 мер поддержки 34 будут бессрочными.

И это правильно, особенно в части поддержки семьи, детей. Это дань уважения к подвигу наших ребят. Поддержка должна действовать до того момента, пока дети вырастут и поступят в высшие учебные заведения либо учреждения среднего специального образования. Кроме того, все меры, которые касаются дополнительной региональной поддержки за ранение, мы сохранили.

И это — единственно верный путь. Внимание к участникам СВО не может быть «модным направлением» или временной кампанией. Это — дань со стороны государства тем людям, которые встают на защиту национальных интересов. Семьи героев должны ощущать на деле: о них помнят, их ценят и их будущее под защитой.

Понимая, что многие меры поддержки носят заявительный характер, мы упростили процедуру их получения. Чтобы избавить людей от необходимости собирать справки по всему региону, мы объединили 37 из 50 мер в одно универсальное заявление. Подать его можно через МФЦ или портал «Госуслуги», причем, это может сделать любой член семьи участника СВО.

До конца года мы планируем перевести в такой формат все меры

поддержки, сформировав систему единого окна. При этом социальный координатор в каждом районе всегда готов помочь с подачей заявления и проконсультировать по любым вопросам.

И, конечно, сложно переоценить важность создания на Смоленщине филиала государственного фонда «Зашитники Отечества», которое мы осуществили по поручению нашего президента. Мы создали у себя филиал в числе самых первых регионов. Нашей ключевой особенностью является то, что в фонде работает очень много матерей и жен участников СВО, привлекаем туда самих ребят, которые демобилизовались. Привлекаем вдов и матерей погибших, чтобы не оставлять их наедине со своим горем. Всё это позволяет выстроить работу нашего филиала фонда «Зашитники Отечества» на основе личного понимания проблем и сделать её максимально человечной.

Не преувеличу, если скажу, что работа социальных координаторов фонда наполнена жертвенностью. Низкий поклон этим людям, которые готовы всецело погружаться в решение проблем наших военнослужащих и их семей, не считаясь со своим временем, несмотря на сложности.

В этом году я лично посетил многие муниципальные округа и пообщался в каждом как с военнослужащими во время их краткосрочных отпусков, так и с их семьями, а также с уже демобилизованными ребятами. Обратная связь подтверждает, что система работает эффективно, а социальные координаторы выполняют свою работу неформально и с полной отдачей, с полным погружением в каждую проблему.

Смоленщину отличает также то, что у нас в процесс поддержки участников СВО активно вовлечена наша епархия и митрополия. Это не только помочь фронту, но и помочь семьям, совместные мероприятия с фондом «Зашитники Отечества» по вовлечению вернувшихся бойцов в активную жизнь.

Среди смоленских батюшек есть военные священники, которые регулярно выезжают на передовую и окормляют паствутам: совершают обряды Крещения, исповедуют, причащают бойцов. В этом году был построен и освящен полевой храм в честь святого мученика Меркурия Смоленского. В полевых храмах, которые наши воины строят сами, проходят службы, совершаются обряды, и там же бойцы берут благословение перед отправкой на линию соприкосновения. Это направление поддержки наших ребят чрезвычайно важно.

Смоленская область стала одним из первых регионов в стране, где была создана Ассоциация участников специальной военной операции, которая объединила все ветеранские организации региона.

Важным направлением нашей работы является помочь военнослужащим в возвращении к мирной жизни. Мы реализуем три ключевых направления.

Первое: дистанционное переобучение для получения новых профессий. Второе: поддержка предпринимательской деятельности. Мы не только обучаем, но и представляем грант «Первый старт» — выделяем до 500 тысяч рублей на начало бизнеса, а в случае успеха — льготный заём, который составляет до 3 миллионов рублей.

Третье: трудоустройство. Мы договорились с работодателями

о возвращении сотрудников на прежние рабочие места, а тех, кто получилувечья, трудоустраиваем в бюджетной сфере.

И в этом плане очень значимым шагом стал старт программы «Герои СВОего времени. Смоленск». Это продолжение федерального проекта «Время героев», и направлена программа на подготовку управленических кадров из числа участников СВО.

Первый модуль уже прошла группа из двадцати шести человек, за каждым из них закреплен наставник. Я также выступаю наставником для одного из участников — Александра Тихонова, молодого командира, получившего ранение на передовой. Как наставник я вижу его искреннюю заинтересованность в проекте.

Понимаю, насколько важно создавать условия, в которых наши защитники могут раскрыть свой потенциал и применить его в мирной жизни. Мы дорожим каждым парнем и сделаем всё, чтобы их возвращение в мирную жизнь прошло без каких-либо проблем.

Мы будем делать это спокойно, без всякой помпы и самолюбования. Наша цель — помочь этим ребятам встать на ноги, начать своё дело и как можно быстрее включиться в мирную жизнь. Это нужно им, это нужно их семьям, это нужно экономике региона.

Смоленщина — земля защитников. Здесь хорошо понимают: долг перед теми, кто сражается за свою страну, не имеет срока давности. Наша поддержка участников СВО и их семей — это не разовая акция, а стержень государственной политики. Это прочная основа. Это та несокрушимая связь фронта и тыла, которая делает нас сильнее и приближает к Победе. ■

СВОи среди своих: как Смоленщина принимает вернувшихся с фронта бойцов

Сотни смолян, вернувшихся с передовой, вновь ставят амбициозные цели и стремятся к их достижению с людьми, ценности которых разделяют

Декабрь 2025 года. Четвёртый год с начала спецоперации на Украине. Четвёртый год смоляне, москвичи, калужане, омичи, краснодарцы, приморцы и сибиряки общими силами, как когда-то их деды и прадеды, ломают хребет фашизму. Только теперь он подкрался ближе, прет уже от наших соседей.

Фашизм, скрывшийся под масками идеи о «самостояйности», западные коллеги пытаются просунуть уже давно, не подозревая, что будут пойманы за руку. Теперь же, заломанная российскими солдатами, эта рука оскудела, поскольку всем стало понятно: то было не библейское добро. Теперь они предпочитают спрятать ког-

да-то громко заявленный лозунг «Украина — понад усе».

А российские солдаты продолжают своё правое дело. И родина их за это благодарит, встречая своих сыновей — живых и павших — как героев.

Родина не забыла

Возвращение из зоны СВО для многих военнослужащих может стать кризисом, для преодоления которого в России действуют несколько механизмов. Каждый из них направлен на разные аспекты адаптации ветеранов спецоперации к жизни после фронта.

Одним из таких действенных инструментов стал «Кубок защит-

ников Отечества» — новое звено в системе спортивной адаптации для бывших бойцов. Сегодня такие спортивные мероприятия — тоже своего рода фронт, но лица солдат обращены теперь не на противника: каждый смотрит вглубь себя, ищет и в конечном счёте находит смысл новой, мирной жизни.

Многие снова становятся плечом к плечу, выполняя нормативы по пулевой стрельбе, хлопают по спине членов боевого братства, поздравляя с новыми рекордами. Спорт для ветеранов спецоперации на Украине становится не просто «нормой жизни», а одной из ключевых её составляющих. Сотни смолян, вернувшихся на малую родину, вновь ставят амбициозные цели и стремятся к их достижению с людьми, ценности которых разделяют.

«Это очень приятно, что мы, создавая условия, даём возможность ребятам реализоваться и быть вовлечёнными в социальную жизнь региона, а также заниматься спортом, в том числе — адаптивным. Это одна из главных сейчас задач», — констатирует замминистра спорта Смоленской области Владимир Солошенко.

Помогает боевому братству и крепкий тыл: жёны, дети и социальные координаторы фонда «защитники Отечества», который был создан для поддержки и сопровождения по юридическим и социальным вопросам семей участников СВО.

В этом году к заботам фонда добавилась работа с родственниками

пропавших без вести военнослужащих — такую просьбу смолянки Татьяны Федосовой лично поддержал Владимир Путин.

Фонд «Зашитники Отечества» для многих смоленских семей стал больше, чем просто административная структура. Социальный координатор фонда из Холм-Жирковского округа Алла Колова призналась, что её подопечные и сами ей как семья:

«Правительство Смоленской области делает для наших ветеранов очень значимые вещи: ребята, которые вернулись с поля боя, которые видели весь ужас, который там происходит, они знают, что они не одни, знают, что им помогут не только в медицинских и социальных, но и бытовых делах. Мы, социальные координаторы, всегда готовы им помочь».

Вместе с ней на Кубок приехал один из самых активных ветеранов округа — Дмитрий Жебраков. В фонд он пришел в 2023 году, сразу как вернулся с ранением с СВО.

По итогам «Кубка защитников Отечества» Дмитрий занял второе место в гиревом спорте. Привычка быть в первых рядах сказалась и на том, что он же стал одним из первооткрывателей нового потока региональной программы «Герои СВО-его времени. Смоленск» — аналога федеральной программы «Время Героев», целью которой является создание кадрового резерва в органы госвласти из ветеранов СВО.

Ранее для участия в программе требовалось высшее образование, а с этого года стать участниками программы могут ветераны СВО без высшего образования, соответствующее решение принял губернатор Василий Анохин.

Дмитрий Жебраков окончил колледж телекоммуникаций в Смолен-

ске по специальности «Связист». «За ленточку» он ушёл добровольцем, а вернувшись, решил (по той же доброй воле) помогать своим братьям по оружию не словом, а делом. Вместе со своей женой Дмитрий защитил бизнес-проект физиотерапевтического кабинета для восстановительного лечения и медицинского массажа на малой родине, в Холм-Жирковском округе. В помощи другим Дмитрий видит и своё самоопределение, свою миссию.

В помощи своим землякам нашёл своё призвание и Александр Зайцев. Он отправился на СВО в числе первых — 24 февраля 2022 года. Побывал на самых «горячих» направлениях СВО: у Сватово и Кременной, в Лисичанске, Запорожье, Луганске, Северодонецке.

На малую родину Александр вернулся после тяжёлого ранения: с сослуживцами он обеспечивал прикрытие союзной артиллерии и штурмовым отрядам и подорвался на мине. Офицерская карьера Зайцева закончилась почти год назад, это и послужило «перезагрузкой» его судьбы. Теперь он — участник региональной программы «Герои СВО-его времени. Смоленск», а его наставником стал мэр Смоленска Александр Новиков.

«Я искал себя в мирной жизни, прошёл анкетирование и тестирование, по итогу прошёл в программу. Я смог определиться, кем хочу стать в будущем. Я задался вопросом: что я вообще умею и для чего нужен. И нашёл ответ — хочу помочь своему народу. Вижу огромный кредит доверия у земляков, не хочу и не могу ударить в грязь лицом», — говорит Александр Зайцев.

В нынешнем сентябре он был избран депутатом Смоленского городского Совета, так что в ходе обу-

чения по программе «Герои СВО-его времени. Смоленск» у Александра есть возможность постигать основы государственного и муниципального правления и на практике.

Кстати, о кредите доверия 27-летний Александр Зайцев говорит не ради красного словца: на выборы он шел по одномандатному округу, и за него отдали голоса жители Колодни и Сортировки. И есть ощущение, что избиратели смену малинового пиджака на берцы сразу встретили с облегчением.

Человеку нужен человек

«Замечательно, что наши бойцы занимаются адаптивным спортом — это один из путей к мирной жизни, способ найти себя, не замыкаться в себе. — убежден герой спецпроекта «О чём говорит Смоленск» «Я ВЕРНУЛСЯ» Дмитрий Ковалев. — Они показывают пример молодежи, что через спорт они тянутся к жизни, показывают, что не «зависли», не остались там на войне. Многие же боятся: вот закончится СВО, придут люди — они там «крови хлебнули», злы, как бы чего не случилось. Адаптация наших военнослужащих со всех сторон работает в две стороны — и для гражданских, и для самих участников СВО».

Ещё один участник СВО Иван Карташев тоже прошёл через региональную кадровую программу и вошёл в мирную жизнь руководителем отдела по спорту в Рославльском округе. Теперь ветеран боевых действий отвечает не только за спортивные достижения рославльчан, но и за патриотическое воспитание молодёжи. В этом он видит особую важность своей миссии — он желанный гость на «Уроках мужества», которые проходят в школах:

«Я видел глаза людей, которые подвергались гонениям долгое время, я понимал, что стою на своей земле и защищаю своих людей. К нашему опыту ребята проявляют большой интерес — задают глубокие вопросы, которые их беспокоят. Часто это жёсткие вопросы — про жизнь и смерть, что будет после завершения СВО. Сейчас при поддержке президента Путина и губернатора Анохина в Смоленской области есть большой спектр опций, который способствуют внедрению человека, который пришёл из горячей фазы боевых действий, в мирную

время утренней сводки новостей, просыпаются, чтобы проверить телефон ночью, а в трудные минуты подставляют хрупкое плечо своим защитникам.

Жена и мать были рядом с Иваном Соломичевым: его ранение оставило без ноги. Благодаря поддержке близких людей адаптация прошла быстро. Уже в госпитале он начал заниматься спортом, а по возвращению домой увлекся пауэрлифтингом под руководством своего отца, майора в отставке Игоря Соломичева. Вера и поддержка близких людей стали стимулом для ветерана СВО и принесли ему высокую награду: смолянин стал чемпионом ЦФО по пауэрлифтингу.

СВОи в строю

«Если вспомнить Великую Отечественную войну — фронтовики поднимали сельское хозяйство, возглавили стройки, колхозы. Наш президент это понимает, он знает историю и прекрасно в ней ориентируется. Поэтому он и говорит, что участники СВО должны идти во власть — страну выше поднять смогут только те, кто прошел ад войны. Это очищает человека, а не озлобляет», — отмечает Дмитрий Ковалев.

жизнь. Требуется только желание и хороший проводник — чаще всего ими выступают члены семьи. Эти люди берут своих мужей, сыновей и ведут за руку».

Эти люди — женщины семей участников СВО. Они молятся во

Надежный тыл, крепкое плечо боевого братства, поддержка фонда «Зашитники Отечества», вовлечение в адаптивный спорт и открытые двери программы «Герои СВОего времени. Смоленск» — вот что помогает вернувшимся с фронта обрести новый смысл и занять достойное место в мирной жизни.

«Особенно хочется отметить, что губернатор Василий Анохин лично встречается с участниками СВО в каждом округе, выслушивает проблемы и вопросы, которые возникают у членов их семей, — многие тут же решаются на месте, — рассказывает еще один герой спецпроекта «Я ВЕРНУЛСЯ», участник СВО Андрей Киреенков. — В регионе действует порядка пятидесяти мер социальной защиты для участников СВО, многие — беспрочные, оказывается системный подход в решении вопросов. Решается кадровый вопрос в отношении участников спецоперации — в регионе действует программа «Герои СВОего времени. Смоленск» — аналог федеральной кадровой программы «Время героев»: многие бойцы встраиваются в органы власти. Вы знаете, некоторые участники СВО уже баллотировались и будут еще баллотироваться в депутаты. В целом, в регионе оказывается большое внимание участникам СВО».

Стойкость и внутренний стержень наших бойцов, подкрепленные системной помощью государства и верой земляков, во многом становится не просто личной историей успеха, а мощным фундаментом для будущего нашей Родины. Пройдя через суровые испытания, они доказали, что способны защищать страну с оружием в руках, а теперь доказывают, что могут с таким же мужеством и самоотдачей укреплять её в мирной жизни. ■

«Наверное, я для чего-то ещё здесь нужен, раз Бог так распорядился»

История Андрея Киреенкова, прошедшего Чечню и СВО: о настоящих героях, чудесном спасении и новой миссии

Герой нашего спецпроекта «Я ВЕРНУЛСЯ» Андрей Киреенков. Прошёл Чечню, выжил в «аду» под Херсоном и снова встал в строй. Тяжелейшие ранения, которые врачи называли «несовместимыми с жизнью». Год борьбы за возвращение из инвалидности. И новая миссия — помогать таким же, как он.

Андрей служил в составе отряда «Барс-20 «Гром». Награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени».

То, что его тяжелораненого смогли эвакуировать из «серой зоны» — настоящее чудо. Тому, что он все-таки выжил после чудовищных ранений, давались диву даже врачи, повидавшие многое.

Но он не просто выжил. Он начал тренироваться, мечтая вернуться к своим на передовую. Не получилось. Но он не сдался. Принял решение пройти обучение по программе развития для участников Специальной военной операции «Время Героев».

Сейчас он работает в Главном управлении Смоленской области по делам молодежи и гражданского патриотическому воспитанию. Но поиск своего места продолжается. Недавно Андрей прошел отбор в

региональную программу обучения «Герои СВОего времени. Смоленск».

Для него спорт снова стал нормой жизни. Любой вызов судьбы Андрей встречает с улыбкой и известной присказкой из детства, где любимой игрой была войнушка: «Кино и немцы!..»

— Андрей, наш проект «Я ВЕРНУЛСЯ» начался с интервью с героем СВО Дмитрием Ковалевым — замкомандира штурмовой роты добровольческого батальона БАРС-20.

— «Дитрих»? (Улыбается.) Да, мы вместе там были.

— Я правильно понимаю, что у вас, как и у него, до СВО за плечами были командировки в Чечню?

— Да. Моя первая война началась в 1995 году.

— А как вы вообще выбрали воинскую стезю?

— Я её не выбирал. Родился, крестился, учился в Смоленске, в обычной рабочей семье. Но у нас в роду все воевали: мой дед — ветеран Великой Отечественной вой-

ны, прошел финскую, Победу в Великой отечественной встретил в Кенигсберге, и их сразу из Восточной Пруссии на Дальний Восток перебросили, он домой вернулся только в 1946 году. Награжден медалями «За взятие Кёнигсберга» и

— Но в зоне боевых действий вы же не случайно оказались? Это как минимум погоны...

— В 1991 году я работал в УВД, занимался оперативной работой. Тогда же увлёкся спортивной стрельбой. А потом началась Пер-

наверное, нигде. Может, потому что опыта тогда еще было маловато. Но тот январь 95-го поставил мне высокую планку выносливости — психологической, в первую очередь.

— Что больше всего потрясло тогда?

— Я понимаю, война есть война. Но война — это когда гибнут военные, а там всё перемешалось: наши, боевики, мирные... Заваленные трупами улицы. Мы занимали аэродром «Северный», там жилых построек особо не было никаких, но уже когда дальше пошли, там, знаете... во всех подвалах люди. Зима лютая, ни воды, ни света, ни продовольствия — вообще ничего! А там, в этих холодных подвалах, люди — старики, дети... Вот это самое тяжелое было. Мы их вывозить начали, они обессиленные совсем. Очень тяжело было даже смотреть на это. Потери были огромные. Помните гибель майкопской бригады при «новогоднем» штурме Грозного — когда за два дня из семисот человек в живых осталось около двухсот? Мы там совсем рядышком были, всё это происходило на наших глазах. Очень тяжелые воспоминания...

— Тем не менее, снова отправились в зону боевых действий, когда началась Вторая чеченская...

— Да. Вторая чеченская война в 2000-м. Дальше был 25-й отряд спецназа, там подготовка была очень сильная. У меня до 2005 года продолжалось участие в контртеррористической спецоперации на Северном Кавказе.

— То есть, к моменту начала СВО опыт был уже колоссальный.

«За победу над Германией». Прадед в Первую мировую войну воевал. Награжден за храбрость Георгиевским крестом. Был тяжело ранен, выжил. Поэтому у нас, наверное, это в крови. Судьба. Я не выбирал такую, так просто получилось. Минскую высшую школу МВД окончил, юрист по образованию. Меня даже хотели оставить на кафедре преподавать, а я вместо этого со снайперской винтовкой по горам отправился лазить.

вая чеченская война. Время было тяжёлое: инфляция, развал всего, в том числе, армии и силовых структур. В армии не хватало самого необходимого. Помню, у меня была винтовка, а для прицела не было батареек. Приходилось изворачиваться — соединяли квадратные батарейки от фонариков, чтобы хоть как-то работало. Было очень тяжёлое время. Штурм Грозного как раз в то время был — запомнился навсегда. Мне тяжелее не было,

Без малого двадцать лет мирной жизни — и снова «в бой». Как стали добровольцем?

— А знаете, я не могу объяснить, почему, но я точно знал, что будет эта война. У меня и рюкзак был собран. Все эти годы у меня были постоянные тренировки: бегал в бронежилете по 30 километров, плавал в ледяной воде... Когда начались события на Донбассе, я сразу хотел туда ехать. Единственное, что меня остановило — мама у меня очень тяжело все мои командировки воспринимала, и я боялся, что она просто не переживет, если я еще и туда поеду. Поэтому, когда началась СВО, я сразу решил ехать. Главный вопрос был — как сказать матери.

— Не матери и жене, только матери?

— С женой проще: скажешь, как есть, и всё, моё слово — закон. А тут пришлось подводить к этому разговору издалека, осторожно. И на этот раз мама меня поддержала. Абсолютно неожиданно. Я выдохнул и пошёл в военкомат. Прошёл комиссию, они посмотрели моё дело — предложили спецподразделение: Псков, 76-я ДШД или бригада спецназа. Я даже тесты прошел, быстро собрал документы, подписал всё, что нужно. Была пятница, и я решил: в понедельник пойду окончательно оформляться. А когда пришёл в военкомат, мне сказали: «Только что пришёл приказ: брать только до 50 лет». А мне уже 57. Мне говорят: «Через несколько дней отправка в Новочеркасск, в «Барс-20 «Гром» — добровольческий отряд». Мы тогда даже не знали, что это такое. Ну да ладно, «Барс» так «Барс». Так я оказался в 150-й дивизии.

Интересно, что уже после заключения контракта, когда мы получили оружие и были на полигоне, мне

позвонили из военкомата: «В Пскове посмотрели ваше дело — вас там ждут». Но у меня уже был заключен контракт, я уже был здесь. Вот так вышло. А так попал бы в псковский спецназ или в ДШД. Не знаю, что было бы лучше. Господь нас по жизни ведет.

— Это же 2022 год — самое начало СВО, опыта ведения военных действий такого масштаба у настогда еще особо не было. Как проходила подготовка к отправке на фронт?

— Всё делалось в спешке. Мы провели где-то неделю в тренировочном лагере, и командиры только разводили руками: «Чему вас учить?» В добровольческих формированиях контингент тогда был другой — в основном там были люди, мотивированные внутренними убеждениями. В основном ветераны: кто Афганистан прошел, кто Чечню, были даже те, кто воевал в Югославии, Ливии, Сирии, Сомали. И таких ребят «со стержнем» было большинство. Тогда ещё не было этих огромных выплат, люди шли не за деньгами, а по убеждению.

Офицеров было столько, что девять некуда — должностей не хватало. Настоящие патриоты говорили: «Мне всё равно, какая должность. Я прежде всего солдат». У нас капитаны и майоры были командирами взводов и отделений — а это лейтенантские должности.

— Вы говорите, что тех, кто по убеждению, из патриотических чувств пошел в добровольческий отряд в 2022-м, было большинство. Были и другие?

— Вторая категория — те, кому было всё равно, где и с кем воевать. Зарплата тогда была около 200–250 тысяч, для них это было важно. И

была еще третья категория — те, кто «втанчики не наигрался». Они не понимали, что такое война, пока не попадали под обстрелы. После первых потерь некоторые пытались разорвать контракт. Тогда еще можно было — ставили штамп «500-й» (отказник) и человека отправляли домой. Сейчас так уже нельзя, и это правильно. Я бы таких вообще в штрафбаты отправлял, как раньше. Были и кадровые офицеры, которые не хотели воевать — им нужны были пенсия и зарплата, но рисковать они не хотели. Но таких совсем немного было.

— Ни для кого не секрет, что добровольцы тогда все отправлялись на «передок». Вас об этом предупреждали?

— Когда мы только приехали в Новочеркасск, замкомандующего округом построил нас и сказал честно: «Все идут на передовую, до единого. Если кто-то сомневается — сейчас еще можно отказаться. Никто вас осуждать не будет». Но тогда никто не отказался.

Правда, были казусы. За пару дней до отправки мне в отделение дали человека, который впервые в жизни взял в руки оружие. Оказалось, он врач-реаниматолог с Алтая, ехал работать в госпиталь в Валуйки, но его по ошибке направили в штурмовое подразделение.

Командир роты обрадовался: «Отлично, у нас будет санинструктор!» Я говорю: «Какой из него санинструктор? Санинструктор — это солдат, который бегает, стреляет и под огнем тащит раненых. А это врач, посмотри на его руки! У него руки хирурга». Мы через комендатуру добились, чтобы его отправили в госпиталь. Мы и сейчас общаемся. Он на фронт постоянно ездит, в командировки в госпитали. Ну мы

по сути человека спасли. Он занимается своим делом, и он сколько спас еще людей! А если бы остался с нами — погиб бы в первом же бою.

— Штурмовики всегда на передовой. Для вас самая горячая точка на Украине — это где?

— Июль... В то время, наверное, слышали — Давыдов Брод, Сухой Сивок. Мы же были на той стороне Днепра. Вот там как раз были самые такие тяжелые, неприятные вещи. У меня всегда так: если Чечня, то Грозный, если Украина, то самое «пекло». Но нас к этому и готовили всегда. Поэтому с юмором отношусь этому, знаю, что всегда и везде хлебну «по полной программе».

— Как получили ранение?

— Это было утром, в 9:20. Левый фланг под Андреевкой. Андреевка — деревня на склоне. Половина наша, половина их. Нас всего 21 человек — больше не было людей. Нужно было держать позицию. Мы ночью зашли, утром начали осматриваться. В огороде возле погреба — трое убитых ДНРовцев. Еще даже запаха нет, хотя на улице под 30 градусов. Видимо, их убили совсем недавно.

И вот в 9:20 — первое ранение. Осколком перебило ногу, задело нерв. Я еще не знал, что нерв поврежден — просто нога отключилась. Кровь не хлещет — значит, артерии целы, хорошо. Перетянул, мой пулемётчик Серега, подбежал, сразу вколол промедол.

По рации доложил диспозицию и о ранении. Мне говорят — эвакуация. Отказался: людей и так мало, а я еще держусь. Взял второй автомат вместо костиля, но в основном передвигался ползком. Мы выдержали накат — бандеровцы так и не прошли.

Ребята повели меня под руки. Пулемётчик взял мой вещмешок — это его и спасло. В этот момент — два взрыва. В меня осколок между «бронником» прилетел — и смотрю, бок начал надуваться, кишки полезли. А военная медицина нас учила: разорвал перевязочный пакет, прижал, замотал. И главное — нужно постоянно поливать — иначе кишкы засохнут, и мгновенная смерть.

Мы находимся в «серой зоне». Меня затащили в окоп у столба — ждать эвакуации. Подошёл БТР, но его сразу подбили прямым попаданием. Башню снесло, экипаж погиб. Меня оставили в окопе. Попросил хотя бы пару гранат — на случай, если придут добивать.

На руке записал для медиков (на случай, если отключусь) время второго ранения — 14:20. Жара под 30, грохот, взрывы. Прошёл час, второй, третий — тишина. Подумал, что наши погибли все.

Появился коптер и завис низко — низко надо мной. Я замер, даже дышать перестал, притворился мёртвым. Он долго кружил, потом улетел — видимо, решил не тратить боеприпас.

К вечеру услышал шаги. Сжал гранату — решил, если чужие,

подорвусь вместе с ними. Но это оказались наши. Вытащили на КП. Командир (Ротибор, слышали, наверное, легендарная личность) по рации стал запрашивать эвакуацию мою. А меня вдруг разобрал смех: снаряды беспрерывно рвутся рядом. Потолок трясется, сыплется земля, а я думаю: «Ну вот, опять не попали — «кино и немцы»!

Только под утро к нам пробилася БТР. Меня закинули на броню, потом в кузов «Урала». До Новой Каховки — сорок километров по разбитой дороге. Каждый удар — адская боль. Оказалось, кроме ноги осколок повредил позвоночник и рёбра. В Новой Каховке сразу на операционный стол. Гемоглобин 46 — врачи качали головами. Очнулся — слышу вертолёт. В Севастопольском госпитале — вторая операция. Потом самолёт в Москву, в Институт Вишневского. Неделя в реанимации. Главный хирург шутит: «С гемоглобином 50 этот уже неделю не умирает, переводите его из реанимации». И меня перевели в одиночную палату. Это я потом уже узнал, что в одиночку переводили самых тяжких, безнадежных — тех, кто может умереть. Чтобы другие не видели, как умирают. Врачи уже и не надеялись, что выживу. А я все не умираю никак.

В Каховке был врач из «Вишневского» в командировке. Потом он меня уже в госпитале нашел и говорит: «Ну, тебя все запомнили тогда». Оказывается, я тогда на них кричал: «Шейте меня быстрее, мне надо возвращаться к ребятам!»

— Сколько в госпиталях провели времени?

— Шесть месяцев. «На костили не встанешь, на коляске будешь передвигаться» — такой был приговор докторов. Но я на коляске не

хотел и встал на кости. На костиах мне тоже не понравилось. (Смеется.) В общем, потихоньку—потихоньку начал сам ходить. Вот такой упрямый оказался. И живучий. Каждый год приезжаю в «Вишневского», там меня все врачи помнят, руками разводят: «Не ожидали такого».

Видимо судьбе зачем-то угодно было, чтобы я выжил. Ну и, конечно, физподготовка и здоровый образ жизни сыграли роль: я не курю и практически не употребляю алкоголь. И когда врачи сказали, что таких случаев, чтобы после подобных ранений выживали, не было в их практике, я им пояснил, что уже пятнадцать лет плаваю в проруби, марш-броски бегаю. Организм привык работать в экстремальном режиме и просто мобилизовался, когда того потребовали обстоятельства.

— Вас и таких, как вы, называют героями. Как вы к этому относитесь?

— Мы не герои. У нас есть подготовка, боевой опыт — нас этому учили. Это наша работа. Вот в Смоленске живет один человек — вот он, по-моему, настоящий герой. Ему 66 лет было, когда началась спецоперация. Пришел в военкомат, а у него в военном билете записано — стройбат, 70-е годы. Никакой военной специальности. Ему говорят: «Куда ты собрался? Тебе 66, да еще и без подготовки». Но он упрямый — две недели военкомат «доставал». В итоге отправили в Кантемировскую дивизию, в Наро-Фоминск. Там над ним сначала посмеивались: «Дедушка на войну собрался». А он быстро все освоил. Попал на фронт. Роста он небольшого, худощавый. Получил

первое ранение легкое, вылечился, снова встал в строй. Под Купянском — второе ранение. И медаль «За отвагу» получил. Вот это настоящий герой.

— Кем он работал в мирной жизни?

— Электриком. Уже давно на пенсии.

— Можно узнать его имя?

— Сергей. Фамилию говорить не буду — он не любит публичности, в фонды не ходит, говорит: «У меня все есть, ничего не надо». Не занимается общественной деятельностью. Просто такой человек.

Еще настоящие герои — это срочники, которых в ноябре 1994 года призвали, а в декабре уже отправили штурмовать Грозный... Мы хотя бы подготовленные были. А они — обычные ребята. Вот кто действительно герой... (Пауза) Ну а мы... Нас этому учили, мы просто делали свою работу.

— Когда вы ранение получили?

— 22 июля 2022 года.

— Практически через месяц после того, как попали на фронт?

— Да, где-то так. Что в замес мы тогда попали, мы потом только узнали. Нас оказывается... Мы прикрывали выход частей из 49-й армии. Фактически как заслон мы были — вероятность погибнуть или получить ранение там была максимальной. Задачу надо было выполнить, и мы ее выполнили.

Но все подробности мы узнали только через год. Тогда мы и не должны были ничего знать, потому что... это война — если человек попадает в плен, обладая какой-то информацией, важной для врага, эту информацию из него вытрясут.

— То, что вы называете «выполнить задачу», на самом деле — подвиг. И это не просто красивые слова, это факт. Вас всех представили к наградам?

— В то время добровольцев еще не награждали. Награды начали приходить где-то через месяцев восемь — весной. Нас представляли к наградам, не всех, правда. Мне пришла медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени». Представление было на орден Мужества, дали медаль. Потом уже, когда я восстанавливался после ранения, президент объявил о старте программы «Время героев». Эта программа направлена на реабилитацию, обучение и трудоустройство ветеранов боевых действий. То есть, участников и ветеранов СВО готовят к работе в госструктурах и через обучение управленческим навыкам.

Я еще не был уволен, я даже инвалидность себе не делал — тренировался, хотел вернуться в строй... Подумал тогда: ладно, анкету на-

пишу, а там видно будет. Анкету заполнил, и через месяц приходит ответ: вы подходите, нужно пройти тестирование. Быстро прошел, все это сделал, и через месяц они мне прислали программу. Так я отучился и по федеральной программе «Время Героев», после чего был трудоустроен в Главное управление по делам молодежи Смоленской области. А сейчас пройду обучение еще и в нашей региональной программе «Герои СВОего времени. Смоленск».

— Учитывая ваш боевой путь и имеющийся опыт, для вас возвращение в мирную жизнь не стало глобальной проблемой?

— Возвращение... Психологических проблем не было. Были проблемы другого рода — со справкой о степени тяжести ранения. Проблемы с документами, наверное, у всех нас были — обычное дело. Я тогда слышал, что есть фонд «Зашитники Отечества», который помогает в таких ситуациях «правду найти», но я не обращался туда. Это Ковалев Дмитрий (Дитрих) настоял, чтобы я туда пошел. В то время они еще только-только начинали. И я пришел, тогда еще на костылях, еле-еле двигался, и вот они меня решили взбодрить: давай-ка, включайся в активную жизнь, давай в патриотику, давай в спорт. Ну, какой спорт?! Я с трудом хожу, да и лет-то мне уже — огого, надо готовить более молодых, более перспективных. Но вот они как-то настояли. Понятно, что у меня есть опыт, есть образование... Так в моей жизни появилась патриотика и снова появился спорт — уму не постижимо!

— Андрей, вы явно скромничаете. На «Кубке защитников Отечества» в Туле вы заняли первое место по метанию ножей.

— Про спорт вообще интересная тема. Ну какой спорт? А ведь на самом деле, самое сложное — это преодолеть себя, прежде всего. Перебороть себя, когда ничего не хочется, ничего не надо... Кто-то в обнимку с бутылкой сидит. Это не мой случай, тем не менее, я сначала сказал: не трогайте меня, спорт для меня закончился, у меня со здоровьем все плохо, начинаешь заниматься — боли адские. У нас многие через это «не трогайте меня» прошли... Александра Гуляева вы, наверное, знаете — ветеран боевых действий, колясочник. Его в фонде «Зашитники Отечества» за уши буквально втянули в спорт. Казалось бы — какой спорт — человек ходить не может. Та же ситуация была и со мной, только я не на коляске, а на костылях был. Но спорт в нашей ситуации — это жизнь. Поэтому в нашем филиале фонда настояли на том, чтобы мы включились в активную жизнь, в общение, убедили нас, что спорт нам необходим. Сейчас Александр Гуляев участвует в Кубках по баскетболу на колясках.

Фонд на самом деле очень многое для нас делает, Наталья Полушкина с нами возится, как мама с маленькими детьми. Инна Михалева очень нас опекает — вот, начинаем тренироваться, она на тренировке с нами до позднего вечера, после девяти домой приезжает. Мы говорим: «Инна, иди домой, что ты всё свое время на нас тратишь!», она: «Нет, нет, нет, нет». Вот на самом деле, они такое большое дело делают, и целиком этому отдаются. Низкий им поклон за это.

— Все-таки, историю про первое место по метанию ножей хотелось бы услышать.

— Когда объявили, что команде нашего филиала фонда предстоит участие в очередном региональном этапе «Кубка Защитников Отечества» в Туле, выяснилось, что в программе Кубка появились соревнования по метанию ножа. Наша Инна Михалева сразу спросила: «Ребята, кто у нас будет ножи метать?» А ведь правда, мало кто сейчас этим занимается. Но для меня это дело знакомое — еще со службы в разведбате, разведроте и спецназе. Там мы постоянно тренировались — и ножи, и саперные лопатки, да вообще все, что под руку попадалось, шло в ход.

Для нас это была обычная боевая подготовка. Да и после службы привычка осталась. У меня своя тропа есть, я выхожу, двадцать раз отжимаюсь, нож в метку бросаю, дальше иду, снова выхожу, снова бросаю. Так и поддерживаю форму. И я сказал, что попробую с этими ножами разобраться.

Конечно, я понимал, что в спорте-то все по-другому: там специальные ножи определенного веса и формы, строгие правила — только за рукоятку бросать, четкие дистанции, мишени, особые требования. В армии такого не было. Но оказалось, что мой старый «бандитский» нож, с которым я тренировался, весит те же 330 граммов, что и спортивный. Рука уже привыкла к этому весу, так что адаптировался я быстро.

Два месяца мы готовились с Федерацией спортивного метания ножа. Оказывается, у нас есть такая федерация, и в Смоленске она тоже представлена энтузиастами, в частном порядке. Инна с ними связалась, организовала нам тренировки.

На соревнования в Тулу приехали команды из 18 областей Цен-

трального округа. Я вышел, сделал то, что умею, и неожиданно для всех занял первое место!

Сейчас готовимся к Кубку России — там будет очень масштабное мероприятие. И, конечно, очень помогало и помогает нам наше Министерство спорта — спортзал, тренажеры, экипировка с символикой Смоленска — это всё они. Вообще, конечно, руководство области ветеранам большое внимание уделяет (это не дежурная фраза, это на самом деле так).

Сейчас пройду реабилитацию, потом — учеба по программе «Герои СВОего времени. Смоленск». График сейчас очень плотный — с утра до вечера тренировки, сборы, занятия. Домой приезжаю в девять, а то и позже. Но мне не привыкать, опыт за плечами немалый. Кто бы мог подумать, что армейские навыки так пригодятся в мирной жизни! В общем, скучать мне не дают. (Смеется).

— Вы занимаетесь патриотическим воспитанием молодежи. А как вы оцениваете молодежь нашу?

— Что я могу сказать? Наверное, конфликт поколений всегда был. И если нам кажется, что всё у молодых не так — всё у них неправильно, нужно себя вспомнить. Наверное, мы тоже раздражали старшее поколение, когда хипповали, ходили с длинными волосами... Всё тоже самое сейчас. Молодёжь — она такая, какая есть, её другой нет. Поэтому с ними надо работать — с теми, какие есть.

Но я могу сказать, что по сравнению, например, с прошлым годом, когда я только начинал проводить встречи с ними, поначалу они все сидели в телефонах, им было «фиолетово», что я там рассказываю. А

сейчас они уже начинают слушать. Вопросы задавать начинают. Начинают интересоваться, потому что все-таки начинает что-то доходить.

Конечно, очень большую ошибку мы совершили в 90-е, когда страна осталась без идеологии — это полный мрак. Без идеологии, без духовных ориентиров страна существовать не может! Не может идти вперед, не помня предков, не зная своей истории. Так нельзя!

— Моя неугомонная натура требует постоянного действия. Просто сидеть дома я не могу. Считаю, что благодаря своим знаниям, опыту и образованию я могу быть полезен. Возможно, даже в развитии адаптивного спорта — ведь к нам приходит много раненых, очень много инвалидов.

Когда война закончится, это станет крайне важной темой.

Веру в Бога у народа атеисты отобрали после революции, взамен предложили свою идеологию, но совесть и любовь к Родине были не просто словами. А в 90-е и идеологию, и цензуру упразднили. Целое поколение так вырастили — Бога нет, вообще ничего святого нет! Опомнились. Оказывается, есть Бог, есть совесть, есть любовь к своей стране... Поэтому не всё потеряно, просто надо разговаривать с молодежью.

— Программа «Герои СВОего времени. Смоленск» — вот отучитесь вы. Какие перспективы видите? Чего бы вам хотелось?

Спорт действительно мобилизует, дает толчок к развитию, помогает вернуться к мирной жизни. Это я на своем примере могу подтвердить.

Поначалу я сомневался: какой спорт в моем возрасте, да еще с моими болячками? Но шаг за шагом, постепенно... Главное — преодолеть самого себя. Если руководство сочтет нужным, думаю, смогу принести пользу.

Я должен был уже умереть, я тогда практически уже умер. Но каким-то чудом выжил, как стойкий оловянный солдатик. Наверное, я для чего-то ещё здесь нужен, раз Бог так распорядился. ■

«Правильно говорят: русские своих не бросают. Нас спасли ребята, рискуя собой»

Командир взвода Александр Зайцев бил врага на самых горячих рубежах: Красный Лиман, Сватово-Кременская, Лисичанск, Рубежное

на базе военной академии ПВО. В восьмом классе участвовал в военном параде, посвященном 70-летию победы над немецко-фашистскими захватчиками. Принимал участие в «Зарницах» (в 2015 году занял призовое 2-е место).

И бабушка, которая мечтала, чтобы внук пошел по ее стопам и стал строителем, не смогла убедить Александра отказаться от мечты детства:

— Еще будучи маленьким, когда встречал людей в военной форме, это сразу вызывало у меня чувство огромного уважения и почтения — это защитник Родины, очень ответственная и важнейшая для страны профессия. И уже класса с 8-го я наметил четкую цель: поступить в нашу военную академию.

Сначала это была мечта детства, а к восьмому классу это уже был осознанный выбор. Я все взвесил: экономистов и юристов в Смоленске гораздо больше, чем есть в них потребность. Ну или, например, окончя я какой-нибудь другой институт — надо будет думать, как и куда устроиться на работу. К тому же, помимо того, что я буду учиться, мне же надо бабушке помогать — я не могу «висеть у нее на шее». Надо будет учиться, выполнять домашние задания, работать где-то, и находить время для спорта, чтобы поддерживать себя в форме. А в Академии ПВО все это уже было — «три в одном»: я учусь на гособеспечении, получаю высшее образование, меня трудоустраива-

Каждый раз мы с огромным удовольствием представляли читателям очередного героя. И да, они для нас — герои во всех смыслах, независимо от званий и наград. История лейтенанта запаса Александра Зайцева — это пример мужества и стойкости. Правила его жизни просты, он их не «изобретал», он просто следует им по жизни: оставаться в любом положении мужчиной, не раскисать, когда судьба резко меняет траекторию твоего движения, не терять в любых тяжелых ситуациях лицо, быть честным с самим собой и помогать людям. Он так живет. По совести.

Именно таких ребят имел в виду Владимир Путин, когда говорил о том, что стране нужна новая элита.

Осознанный выбор

Александр родился в Смоленске. Вырастила и воспитала его бабушка, мамы и папы не было, но многие полные семьи не могут дать своему ребенку столько, сколько дала Саше бабушка.

С раннего детства мальчик много занимался спортом, добился успехов в футболе, которому посвятил 12 лет (имеет множество грамот и наград). Серьезно изучал английский язык, где также достиг желаемых высот — по завершении учебы в языковой школе получил «платиновую грамоту» за успехи.

Стать военным Саша мечтал с детства. Со школьной скамьи участвовал в патриотическом движении «Школа будущего офицера»

ют и я осуществляю свою мечту — становлюсь офицером.

В 2016 году Александр Зайцев поступил в Смоленскую Военную академию ВПВО ВС РФ. И там он проявил себя «по максимуму»: занимался наукой, спортом, участвовал в парадах на Красной площади.

«Предполагалось, что будем заходить туда на три дня»

После выпуска лейтенант Зайцев был направлен в 35-ю гвардейскую мотострелковую бригаду в Алтайск (на Алтай), где был назначен на должность командира взвода зенитной ракетной батареи зенитного дивизиона.

Александр был готов к тому, что «придется по стране помотаться» — такова военная служба, но и предположить не мог, где ему придется проходить службу.

Полгода спустя после окончания военной академии события в мире и в стране сложились так, что лейтенанту Зайцеву пришлось применять знания и навыки уже на практике — и не в учебных, а в самых что ни на есть настоящих боях с врагом.

— Полгода у меня были командировки, стрельбы. То есть, нас уже тогда готовили к тому, что будет что-то серьезное. В конце 2021 года мы уже готовили технику, приводили ее в боевой порядок. В Воронеже всю технику погрузили, приехали в Ельню, и там уже нам сказали, что будем заходить на территорию Украины, если стороны не договорятся, если фашисты не покинут Донбасс.

И вот 22 февраля нам сказали: всё, готовимся, получаем промедол [сильное обезболивающее средство — ред.], бронежилеты, воору-

жение. Заходили мы через Белоруссию, как раз через поселение, где расположена монумент «Три Сестры». Это на стыке границ Беларусь, России и Украины. Показательно, что монумент «Три сестры» установлен в честь дружбы белорусского, русского и украинского народов...

Предполагалось, что будем заходить на три дня. Но всё равно мы готовились к худшему варианту, не обнадёживали себя, чтобы быть всегда готовыми к бою. И когда мы уже к Чернигову подъезжали (за 13 километров где-то), там уже все было в бетоне, то есть нас «ждали», и пошли уже активные боевые действия.

Так для Александра Зайцева началась служба в зоне проведения спецоперации.

«Больше переживаешь не за себя»

Его боевой путь — это история настоящего офицера. Командир взвода Зайцев был врага на самых горячих рубежах: Черниговская область, Сватово-Кременская, Красный Лиман, Лисичанска, Рубежное, Северодонецк — в этих боях он обеспечивал прикрытие наших войск, уничтожал вражеские БПЛА и технику.

Мы спросили у Александра, какие эмоциональные переживания он испытал, оказавшись на фронте. Понятно, что высшее военное образование готовит курсантов к несению службы в боевых условиях, но одно дело — учёба, а другое дело — оказаться там, где убивают с двух сторон линии фронта.

— Больше переживаешь не за себя, а за людей, которые у тебя в подчинении, за которых ответственность несёшь. За товарищей своих, не за себя. И такое восприятие у каждого там было, с кем я

служил, — о том, что происходило на фронте, Александр рассказывает как-то очень буднично, без какого-либо пафоса.

Таким же будничным, без лишних эмоций оказался рассказ о том, как в феврале 2022 года его бригада оказалась в окружении. Десять дней бойцы держали оборону без подвоза боеприпасов и продовольствия.

— Бронеплит у нас не хватало, так мы со спины доставали, отдавали друг другу, потому что знали, что спину друг другу мы всегда прикроем. Выживали, как могли. Повезло, что местность была сельскохозяйственная — чернозем, плодородная почва. Можно было подножным кормом питаться. Чай заваривали, потом его уже и курили — хоть что-то, чтобы аппетит перебивало. Но свою боевую задачу мы выполняли — вспоминает Александр.

А на десятый день ситуация изменилась. Наша пехота захватила Черниговский картофельный завод, пивоваренный завод, три деревни, и под прикрытием взвода лейтенанта Зайцева наши взяли «в клешню» город Чернигов, и тогда противник начал активную охоту на них.

— Мы прикрывали тогда нашу гаубичную самоходную артиллерию. За наши головы, за обнаружение нашей позиции было обещано 100 тысяч долларов, а за уничтожение — миллион. Но нас не могли найти: командир дивизиона был грамотный, по карте мы стояли в болоте, а там нас не могли обнаружить. В этом нам очень повезло. Единственное — проблема с едой, конечно, была.

9 мая 2022 года, во время наступления на Красный Лиман, для уничтожения вражеских БПЛА и авиации противника взводу Александра Зайцева пришлось выдвигаться к линии боевого соприкосновения:

— Первый мой подрыв (ранение) был как раз при штурме Лимана. Ну тогда все обошлось, меня экипировка спасла: зрение сохранила (осколок в очки прилетел) и слух (я в наушниках был). У остальных перепонки лопнули. Один боец вообще слуха лишился от подрыва, потому что экипирован не был. У меня была просто контузия — три дня в голове по гудело (может, чуть больше), я просто машину ремонтировал эти три дня с новым экипажем. Остальные в госпиталь на лечение и реабилитацию уехали, а я с экипажем обратно вернулся — надо было помогать товарищам, там серьезный «замес» был, а людей не хватало, поэтому я отказался от госпитализации. Поехал к своим.

Несмотря на контузию, Александр продолжал выполнять задачи в зоне СВО — Лисичанск, Запорожье, Луганск, Рубежное, Северодонецк, Новоайдар, потом вновь брали утраченные районы вблизи Сватово и Кременной...

Были самые разные ситуации. Были и совершенно удивительные истории, необъяснимые с точки зрения человеческой логики:

— Был удивительный случай. В мае 2022 года, когда мы брали Лиман, погиб наш товарищ. И вот одному сослуживцу приснилось, что тот ему говорит: «Я застрял в таком-то месте, вынеси, пожалуйста, мое тело». И вот ребята из разведбатальона пришли туда и действительно там обнаружили тело — погибший за сук зацепился... Журавли там летали, как бы сопровождая его душу...

Боевые потери — это самое страшное:

— Именно в моем подразделении (ПВО-шном) из потерпевших — только один человек был. Самое страшное, самое тяжелое на войне — терять

своих товарищей. При этом пока ты на боевых позициях, нельзя волю эмоциям давать, это «выбивает» напрочь, ты уже не можешь сконцентрироваться на решении задачи. Только потом уже, когда нас вывезли, тогда только уже волю чувствам я дал. Там переживаешь, как я и говорил, за товарища больше, чем за себя. Ну, и за родных, соответственно, которые дома за тебя переживают.

«Стреляют по своим, чтобы потом нас обвинить»

— На Кременную наступление шло через Червонопоповку. Мы двигались колонной, когда впереди показались отступающие украинские танки. Они стреляли на ходу, били по жилым зданиям. Потом, уже вечером, в сети вылезло видео: мол, это «русские варвары уничтожают наши города».

А потом был мост. Только мы его пересекли — и тут прилет вражеской «Точки-У». Но не по переправе, а в пятиэтажку рядом. Разворотило полдома, там мощный ракетный заряд был. Кто-то кричал, женщины бежали с детьми... Это было страшно видеть.

А буквально через пару часов их пропаганда уже утверждала, что это «российские оккупанты бьют по жилым кварталам».

Местные же всё это видели, всё понимали. Говорили: «Ребята, мы знаем, кто тут по жилью бьёт. Наши же...» — и голос дрожит. Но кому их слова нужны? Западным СМИ? Там уже готова картинка: «кровавый режим Путина», «военные преступления» — весь «джентльменский» набор.

Вот так они и воюют. Стреляют по своим, чтобы потом нас обвинить. Снимают фейки, перевирают факты — в лучших традициях геббельсовской пропаганды.

Русские своих не бросают!

3 мая 2023 года, когда наши повторно брали Лиман, при наступлении в районе Ямполя Александр обнаружил и уничтожил вражеский БПЛА «Лелека-100», но в тот же день его машина подорвалась на противотанковой мине. Тяжелое ранение поставило крест на военной карьере.

— Мы бы погибли все, если бы при мне не оказалась радиостанция. Она немного пострадала от взрыва, но меня более-менее слышало соседнее подразделение. Мы к ним не относились, это артиллеристы реактивного дивизиона. Я им примерно местоположение указал, но особо мы не рассчитывали, что нас живыми вывезут...

У нас экипаж был три человека. Механик-водитель сразу погиб, а мы с оператором получили тяжелые ранения.

Оператор — доброволец. Четыре месяца с нами был, хорошо со своими задачамиправлялся. Он получил тройной перелом позвоночника — не мог ни встать, ни двинуться. Я попробовал встать, понял, что надо выползти из-под горящей машины (меня ею накрыло). Выполз. Сначала подумал, что мне руки оторвало — такое состояние было. Контузия была, два взрыва все-таки. Голова вообще не соображает, тело не слушается. Выползаю, пытаюсь встать на вторую ногу, и всё... понимаю, что именно в ногу самое большое ранение. Понимаю,

что механика спасти мне уже не удастся. Я не помню уже, как ребята-артиллеристы его доставали. Они сказали, что он сразу погиб.

Их семеро человек приехало по нашей ориентировке, нас быстро эвакуировали — вынесли на руках, погрузили в КамАЗ. И там всё это время «прилетало», к тому же с минного поля они нас вынесли. А ведь могли бы сказать — не поедем, они серьезно рисковали. Правильно говорят: русские своих не бросают. Они спасли наши жизни, рискуя собой.

Мы спросили Александра, если бы можно было предвидеть заранее, что вот именно так сложится воинская служба, что придется защищать интересы своей страны не на штабных учениях, а на фронте, стал бы он поступать в военную академию? Он ответил, не задумываясь:

— Безусловно, стал бы. Я готовился к выполнению боевых задач. Но я думал, что в Сирию попаду в первую мою командировку.

«Я вернулся»

После ранения был госпиталь, долгое лечение и восстановление. А 12 ноября 2024 года лейтенанта Зайцева комиссовали, офицерская служба для него закончилась. Но это не сломило дух воина. Александр не опустил руки. Он стал искать себя в мирной жизни.

— Когда меня комиссовали, думал, что начинать жизнь надо «с чистого листа». На протяжении длительного времени ты как военный человек делал то, что тебе командир скажет. Теперь всё по-другому.

Надо было « заново рождаться». Не всем это удается. Кто-то спивается. И это не от того, что он такой плохой. Просто там он де-

лал одно, а здесь, в мирной жизни, тот его навык оказался ненужным. Поэтому Василий Николаевич [Анохин — ред.] и внедрил на территории региона программу «Герои СВО-его времени — Смоленск», которая действительно помогает бойцам (таким, как я) найти себя уже в мирной жизни.

история — история настоящего «солдата своей Родины» — не по профессии, а по степени преданности своей стране.

Сейчас Александр смело смотрит в завтрашний день. В планах — учеба по программе «Участник СВО-его времени — Смоленск» и создание семьи. Кстати, к выбору

За мужество, проявленное в специальной военной операции, Александр Зайцев награжден медалями «За отвагу», «За боевые отличия», «За воинскую доблесть» и «Участнику СВО».

Но главные его награды — это благодарность тех, кто остался жив благодаря его грамотным действиям в боевой обстановке, и благодарность соотечественников за верность долгу и готовность защищать интересы нашей страны любой ценой — даже ценой здоровья, а если понадобится — и жизни.

Александр Зайцев с детства решил, что нужно жить так, чтобы быть примером для других, быть настоящим защитником. В нем с тех ранних лет была внутренняя убежденность, что в случае беды он всех спасет и всё исправит.

Безусловно, Александр является примером для молодого поколения. Он активно встречается со школьниками на «уроках мужества». Его

спутницы жизни он отнесся так же ответственно, как когда-то к выбору профессии — в своей любимой девушке Саша уверен, как в себе.

И пусть у него всё получится! Для этого у Александра Зайцева есть свой «секретик»:

— Все получится. Главное, духом не падать. Ставить себе цели и новые горизонты открывать. Все от самого человека зависит. ■

«Это работа настоящего мужика — защищать своих близких, свою Родину»

Наш нынешний герой — Дмитрий Ковалев. Дмитрий прошел через многие горячие точки, защищал Донбасс и, когда началась спецоперация, сразу решил: «Я должен там быть». Он пошел сражаться, невзирая на то, что попасть на СВО через военкомат не позволяло состояние здоровья. Он знал, что должен быть там, и добился своего. Демобилизовался и вернулся в Смоленск после полученного ранения. Награжден медалью «За отвагу» (за проявленные мужество и героизм).

— «**Есть такая профессия — Родину защищать**». Дмитрий, вы с детства мечтали защищать Родину?

— Во втором классе я прочитал книгу «Солдаты неба» Арсения Ворожейкина и сразу загорелся стать летчиком. Потом летная романтика у меня ушла, но мечта стать офицером и защищать Родину осталась — это с детства, да. Кто-то космонавтом мечтал стать, кто-то врачом. А я с детства не просто мечтал, я знал, что стану офицером. Во многом на мой выбор повлияла бабушка, хотя

она человек мирной профессии, она медик. На фронте она с 1941-го года, служила старшей медицинской сестрой в эвакогоспитале, в самом проблемном отделении — там тяжело раненых одновременно содержалось по 300–400 человек — можете себе представить?.. Она оперировала и ставила на ноги бойцов во время обороны Ленинграда, операций по прорыву и снятию блокады, освобождения Прибалтики, боях в Восточной Пруссии — по несколько суток без сна приходилось работать. Только за 1944-й год че-

рез её руки прошло более четырех тысяч пациентов! После окончания войны в звании младшего лейтенанта медицинской службы была уволена в запас. И она для меня всегда была примером. Дедушка тоже воевал, но он рано ушел из жизни, мне было 5 лет. А бабушка дожила до 95 лет, очень много мне рассказывала о войне. И она всегда была тем человеком, на которого я стремился равняться. Хотя профессия мирная — медик. Но когда я уже стал ездить в горячие точки, я стал осознавать, что эта «мирная» профессия на войне иногда важнее, чем военная...

— Ваш отец был военнослужащим?

— Нет. Папа у меня инженер-электронщик, а мама окончила строительный техникум, работала инженером по технике безопасности в управлении капстроительства на авиазаводе. Моя жизнь прошла на Покровке Заднепровского района.

— Родители поддержали ваш выбор, когда вы решили стать военным?

— Да, поддержали, они всегда с пониманием относились. У меня в семье не было такого: «будешь этим, пойдешь туда». Поэтому к профессии офицера я стал готовиться загодя — занимался в полуподпольной качалке, которые тогда появились, тягал железо, занялся рукопашным боем. Учился я легко, это досталось на генном уровне от родителей. Хоть не был хулиганом, не состоял ни в каких группировках, но школу прогуливал частенько, и из-за этого и оценки страдали. В итоге я окончил школу со средним, скажем так, аттестатом, было две тройки. И

когда пришел в военкомат и сказал, что хочу поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное училище, мне там честно сказали, что шансов у меня на поступление нет. Там половина набора — медалисты, которые идут без экзаменов, и конкурс там дикий. Просто съездить и потерять год не хотелось, и я выбрал Новосибирское высшее военно-политическое училище, потому что там готовят политработников в спецподразделения. А я мечтал попасть именно спецназ. Оттуда мне пришел отказ, и по итогу я поступил в Ленинградское высшее военно-политическое училище ПВО. Я влюбился в Ленинград сразу и окончательно. Я раз в два года обязательно бываю там, это мой любимый город. Тем более, я знал, что там бабушка пережила, поэтому этот город как второй родной для меня. Училище, в котором я учился, было престижным в советское время, учился я нормально, но в мою судьбу вмешалась политика. Это был 89-й год, и в стране назревали перемены, и в 92-м году — за полгода до окончания училища — меня, как и многих других моих товарищей, сократили в связи с преформированием училища. Мне предложили ехать на нашу базу в Горелово, на базу училища радиоэлектроники из Вильнюса. Но, во-первых, я не технарь по сути своей, а во-вторых, там перевод был на 2-й курс, то есть еще 4 года учиться (плюс к моим трем, которые я уже отучился). Я решил, что 7 лет курсантом быть — это перебор. В итоге я, принявший присягу в 16 лет, в 19 лет оказался на гражданке. Я вернулся в Смоленск и устроился для начала в отдельную роту милиции по охране государственных объектов и учреждений.

А в 1993-м году случилась моя первая командировка, первая горячая точка, мой первый вооруженный конфликт — Ингушетия с Северной Осетией. И я, будучи сержантом, в составе сводного отряда Смоленской области попал в столицу Ингушетии. Тогда впервые понюхал пороха. Особых боевых действий там тогда не было, но пришлось немного применять оружие. Отпечаток это оставляет в любом случае, серьезно меняет представление об окружающем мире. Месяц мы там были (потом командировки увеличились до 45 суток, потом — 3 месяца, потом — на полгода).

В том же 1993 году я поступил в юридический институт МВД, это был первый набор. Я все сдал на отлично, уровень знаний был после военного училища отличный, экзамены дались легко. И как раз в это время образовывается СОБР, и я думаю — вот оно, моя мечта. Но я же сержант, а там только офицеров брали — минимум капитанская должность. Но с учетом того, что я практически окончил училище, плюс поступил в институт МВД я, сдав положенные нормативы, все же был зачислен в специальный отряд быстрого реагирования. Ну и начались трудовые будни. А в 1995-м грянула Чечня, и я попал в Буденовск.

— Как раз тогда, когда Басаев захватил больницу?

— Да. Тогда я впервые близко столкнулся лицом к лицу с понятием «терроризм». Это, наверное, из всей моей жизни, из всех боев, которые я прошел, самое тяжелое воспоминание. От самого факта терроризма. Это была абсолютно новая для меня вещь. Конечно, мы знали, что в мире такое про-

исходит, читали в газетах, видели по телевизору... Но когда сталкиваешься с этим лицом к лицу, это невозможно передать словами... Мы их выпустили тогда по указанию руководства страны (Ельцин Борис Николаевич «приболел» как обычно, Черномырдин дал команду их выпустить).

— Дмитрий, не будем даже спрашивать, что вы и ваши боевые товарищи чувствовали после такой команды. Но вопрос о том, что вас больше всего потрясло тогда в Буденовске, позволим себе.

— Когда мы вошли на территорию больницы, увидели трупы больных обычных людей. В пижамах. К корпусу роддома я подошел метров на тридцать, ближе не смог... Там были беременные мертвые женщины, никто из нас не смог ближе подойти. И я понял, что самое страшное, что может быть в мире — это терроризм. Убийство ни в чем не повинных людей. Они не участники боевых действий, они просто пришли лечиться. Дети, женщины, старики. И я тогда понял, что басаевцы — не люди. Зна-

ете, когда после Великой Отечественной войны наших снайперов спрашивали: «Сколько людей ты убил?», они отвечали: «Ни одного». «Но откуда тогда у тебя же столько наград?» «Это были не люди, это фашисты». И я тогда понял, что террористы — это не люди, как к людям к ним относиться нельзя. И те события в Буденовске — это было самое сильное впечатление от столкновения с фашизмом. Мне тяжело об этом говорить. Ну и потом были командировки в Чеченскую Республику, зачистки, бои. Мы всегда говорили — это работа, мы ездили на работу. И с того времени я привык к этому. И часто вспоминал слова из фильма «Офицеры» — «Есть такая профессия — Родину защищать». Это действительно профессия. Это работа настоящего мужика — защищать своих близких, свою Родину.

— Не раз приходилось слышать, что командировки в горячие точки меняют людей, что они возвращаются другими. Что меняется в человеке?

— Всё. Представления об окружающем мире, о человеческих отношениях, меняется отношение ко всему. Вопрос в том — в какую сторону. Были и такие, кто озлобился, начал ненавидеть весь мир. Были те, которые, как наркоманы, получали от этого заряд адреналина и не могут больше без этого ощущения. Я их в чем-то понимаю. Но не потому, что мне нужен адреналин. Лично мне не хватает тех отношений, которые всегда есть внутри боевого братства, той честности. Не хватает ощущения близкого, надежного плеча рядом. Там не обманут, не предадут, там все честно. Ты знаешь, что он тебя от пули прикроет, и ты прикроешь, это даже не обсуждается.

— Мы правильно понимаем, что в боевых условиях люди меняются в лучшую сторону?

— Абсолютно. Они становятся чище. Основная масса. У них другое понятие о правде, о чести, о справедливости. Вернувшись домой, они будут продолжать защищать своих близких, но уже в мирной жизни. Почему мы так быстро подняли после Великой Отечественной войны нашу страну из руин? Потому что пришли фронтовики, они стали на место прорабов, строителей и так далее. Почему Владимир Владимирович [Путин — ред.] говорит, что надо участников СВО надо ставить на руководящие должности? Он прекрасно понимает, что оттуда придут другие люди: честные, неподкупные, преданные своему делу. И если они станут на руководящие посты — все будет меняться в лучшую сторону.

— Когда началась мобилизация, всё это было совершенно новым для большинства, понятно, что началась некая нервозность. И даже появились такие разговоры, что мол, когда те, кого призывают, вернутся назад, это будет как с воинами-афганцами. Что это будут «лишние люди», которые не найдут себя в мирной жизни и поэтому озлобятся.

— Я прошел не один вооруженный конфликт, и могу сказать, что как бы ни относилось государство, я ни разу не почувствовал себя «лишним». Тер разговоры, о которых вы упомянули, не имеют под собой никаких оснований. Посмотрите, какой градус патриотического воспитания, посмотрите весь комплекс мер поддержки участников СВО и их семей. Отношение государства к ветеранам СВО сейчас такое, что

уважение к ним со стороны общества — это государственная задача. И правильно делает государство. Эти люди, которые сейчас там, на передовой отстаивают наши интересы и право нашей страны идти своим путем, а не жить под диктовку коллективного Запада, эти люди вернутся и точно не окажутся не у дел. Сейчас принято много законов именно о том, как встроить их в мирную жизнь. Поверьте, у

Они провели пять лет в окопах. И люди не озлобились, они пришли другими, но не злыми. Я три года на Донбассе пробыл (с 2016-го по 2019 год). Я тоже видел, как люди там живут, я был добровольцем. Я просто уверен, что там люди другие, чище, добрее. Я в отпуск приезжал сюда, и здесь видел совсем других людей... более равнодушных, более закрытых. А там они готовы последним поделиться.

встреч, к нам подошел человек (в возрасте) и очень эмоционально воскликнул: «Вы только больше нас не бросайте!» Вот это всё до слез...

— Точно такие же слова были в 2022-м году, когда мы проезжали через Мариуполь. Мы остановились подождать наши машины, вышли на улицу покурить, стояли минут 20–30. Город только освободили, в апреле, а мы проезжали

этих ребят нет озлобленности. И если обратиться к историческим событиям, катастрофа в этом плане была после Великой Отечественной войны, как раз, когда была объявлена амнистия для бандеровцев. Когда зеков выпустили в честь Дня Победы из тюрем. А не тогда, когда фронтовики вернулись. Тогда вернулись десятки миллионов людей, прошедших страшнейшую войну.

— Дмитрий, мы понимаем, о чем вы говорите. Довелось в 2014 году сразу после присоединения Крыма поехать туда в составе делегации города Смоленска (Керчь мы посетили). И помним свои ощущения — чистоты, доброты и искренности, которая шла от этих людей. Они скандировали «Россия, Россия!» И когда мы уже уезжали после одной из

в июле. Остановились мы возле какого-то магазинчика. Там нам сразу стали воду кипятить. Мои бойцы стоят, и к ним подъезжают мальчишки на велосипедах. Лет по 8–10 им. Подъехали, перекинулись парой слов и уехали. Подходит ко мне один боец, говорит: Дитрих (это мой позывной), тут записку передали. Я разворачиваю этот клочок бумаги (из тетрадки

вырван листок), и там написано: «Дяденьки, пожалуйста, не бросайте нас больше и не уезжайте!» Это дети, которые не станут вратарь, которых не заставляли подходить и так делать, они сами так решили. Чистые и честные люди. Поэтому, когда говорят, мол, «Россия напала», я сразу хочу спросить: а что вы знаете? Вы были там? Вы были на освобожденных территориях, вы видели, как на самом деле к нам относятся? Да, есть отдельные личности... И у нас такие есть «с антивоенными настроениями», а на самом деле это экстремисты. У меня товарищ плотно занимается гуманитаркой, постоянно туда возит грузы — инсулин, еще что-то. И он говорит: это не сказки, действительно, там дома отстроили, жилье дают людям, которые потеряли кровь. Люди видят это, видят это отношение. Они счастливы. Поэтому те, кто говорит, что мы захватили землю — ну, смешно! Да у нас земли этой «выше крыши»! Мы пошли своих людей защищать, которых стали гнобить эти фашисты. Я там был, и я это видел.

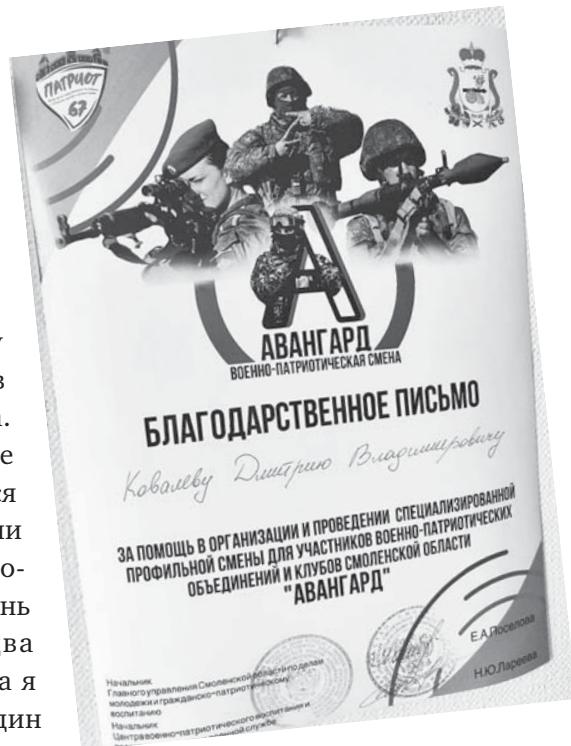
— Вы три года провели на Донбассе и вернулись в 2019 году. Были причины?

— Там наложились сразу несколько ситуаций. После второй контузии у меня произошли сразу два события: умер сын в 24 года, и умерла бабушка. Ну и мой организм этого не выдержал, у меня случился инсульт в Луганске, повезли в больницу... Я даже на похороны сына не попал. Очень меня это подкосило — два любимых человека. Сына я какое-то время вообще один

растил, потому что первая жена умерла... После инсульта я восстановлялся какое-то время, поэтому об участии в военных действиях речь не шла. В 2019 году я вернулся в Смоленск, жил здесь обычной жизнью до 2022 года. Никогда не кичился, что я там был. Для меня это работа была. Сантехник же не будетходить и кричать о том, где он был и какие трубы меняли. Это «пятысотые» (как мы дезертиров называем) ходят рассказывают байки, как они по три роты уничтожали одни ножом. Я немало наслушался таких клоунов.

— Тяжело вспоминать о военных буднях?

— Я не люблю об этом распространяться. Некоторые моменты стараюсь не вспоминать, но забывать их нельзя. Как я могу забыть Космоса, который подорвал себя гранатой, чтобы пацаны раненые могли уйти?! Да, мне тяжело это вспоминать, но как я это забуду? Если забуду, то предам его.

— Как вы на СВО попали?

— Добровольцем. Был контракт с Минобороны. Я не пошел в военкомат. На тот момент у меня была уже 3-я группа инвалидности, и я знал, что меня уже не пропустят медкомиссия. Но у меня для подобных ситуаций был телефон «Союза Добровольцев Донбасса», членом которого я являюсь. Я позвонил и сказал: «Это Дитрих, куда мне приехать?», мне сказали: «Езжай в Валуйки». Приехал, подписал контракт. Сначала в Харьковскую область попал, в Изюм. Подробностями делиться не могу, но уже через две недели прибыл в Ростов, где собирали добровольческий отряд Барс-20. И там уже под Новочеркасском мне предложили должность заместителя руководителя роты. Чем хороши добровольческие отряды — там не смотрят на регалии. В моей роте в роте в одном из взводов командиром отделения был подполковник полиции. Снайпер был — майор ВДВ. Там на звания не смотрят, смотрят, как ты можешь работать с людьми. А работать с людьми я всю жизнь любил и умел. И всегда знал, что и личным примером могу показать, что хватает боевого опыта. И поддержать могу в трудную минуту. Официально моя должность называлась зам командира роты по политической части, и я сразу понял, что учился я не зря.

— Какого возраста бойцы были в вашей роте?

— Самые молодые старше 18 лет были. Запомнились мне две пары — два отца с сыновьями. В моей роте (из-под Донецка они) отец — командир второго взвода с позывным Партизан, а его сын (позывной Шипа) был в его взводе пулеметчиком. Вторые отец и сын

были из-под Перми. В первой роте погибает сын, и отец его везет, а в моей роте погибает отец (Партизан). Наш батальон очень серьезно потрепало.

— Вы были штурмовые?

— Да. Мы попали под одно из сильных контрнаступлений, там их прорыв был. Удалили прямо по нам. Как раз через месяц оставили Херсон, и мы попали под самый замес. Поэтому наш батальон «Барс-20» потерял очень много людей. И ранеными, и убитыми. Я сам получил ранение, был доставлен в госпиталь после одного из боев. Мы до сих пор общаемся с ребятами, у нас группа в WhatsApp, держим связь. Мой бывший командир батальона Ратибор сейчас в бригаде святого Георгия. Александр Бородай (основатель «Союза Добровольцев Донбасса») сам командует бригадой, а мой командир Ратибор у него зам по боевой подготовке.

— Дмитрий, как вы восприняли известие о начале спецоперации?

— В моем понимании война — это плохо всегда. Но как говорит наш президент, если драка неизбежна — бей первым. Кто-то говорит, что мы напали первыми... А я прекрасно знаю, как все началось, как из Луганска и из Донецка людей эвакуировали еще в январе, потому что готовилось их наступление. И если бы мы не успели, мы бы сейчас воевали под Воронежем где-нибудь. Да, мы бы выиграли эту войну, но цена была бы на порядок или на два выше.

— Возвращение оттуда к мирным будням — насколько это сложно? Мы разговаривали с людьми, которые вернулись. И

они говорили, что очень сложно было в том плане, что постоянно думаешь о тех, кто там остался. И это не дает покоя. У вас была закалка, для вас это не первое возвращение с войны. А другие как? Насколько им сложно?

— У меня в Смоленске не очень много знакомых тех, кто вернулся и живет здесь. Я могу сказать не про смоленских. Если говорить о тех, кого я знаю — половина на половину. Половина снова вернулась туда, они чувствуют ответственность. И тяжело из той настоящей жизни опять погружаться в водоворот лицемерия здесь, где все носят маски. Может, резко выразился, но как думаю. Там такого нет. И познав ту настоящую жизнь, возвращаться сюда и подстраиваться под нормы здесь — это действительно непросто. Но, с другой стороны, благодаря тому, как сейчас ведется работа с участниками СВО, наверное, острота проблемы снизилась. Их сейчас действительно ценят и уважают, потому что общество начинает понимать, что они другие по-хорошему, они изменились в лучшую сторону. Их воспринимают по-другому. Вот ко мне, например, именно так мое руководство (из Брянска, из Курска) относится. Они знают, что я здесь собираю гуманитарную помощь туда. И мне никто не ставит палки в колеса. Хотя те, кто занимается торговлей, всегда сторонились политики, так было во все времена. А сейчас даже они разрешают. Мы активно встречаемся с подрастающим поколением, с молодежью. Ездили и к детям из детдома, я в свою школу, которую оканчивал, регулярно хожу на мероприятия. И мое руководство меня отпускает спокойно на все мероприятия, без проблем. Потому что поменялось

отношение. Конечно, всё зависит от политики государства.

— Насколько у детей есть интерес к тому, что вы рассказываете? Их цепляет?

— Дети — это золото. Многие спрашивают: «Зачем ты с ними возишься? Они — потерянное поколение!» Я не понимаю таких рассуждений. Ребята, мы и так потеряли два поколения минимум, которыми не занималось ни государство, ни семья, ни школа, ни церковь, никто вообще. И еще одно поколение мы не можем потерять. С ними нельзя сюсюкать, но и казенными речами с ними нельзя, им это будет неинтересно, не зацепит. И еще им нельзя врать. Вообще ни в чем. Если не знаешь, как ответить, так и скажи. Они поймут, не засмеют. Я люблю работать с детьми, получаю огромный заряд энергии. У меня уже никого нет, и сейчас то, что я могу передать этим ребятам, это моя жизнь. ■

«Понимаете, это не объяснить, надо туда съездить и самому посмотреть»

Евгений Евстегнеев: «Я не понимаю людей, которые едут туда добровольцами, а, приехав, говорят — я не могу. Ну а что вы ожидали? Что будет как в 1812 году? Тут уже технологии совсем другие. Это надо понимать»

Интервью с нынешним героем нашего проекта об участниках СВО «Я ВЕРНУЛСЯ» стало для нас своего рода профессиональным вызовом. Евгений Евстегнеев — из тех «солдат своего Отечества», которые несут службу, всячески избегая публичности. Ничему не удивляясь, никого не осуждая, не жалуясь и не терзаясь сомнениями, они живут по принципу: делай, что должно, и будь что будет. Делиться впечатлениями о проделанной работе и о пережитом — не в их правилах.

Евгений — участковый уполномоченный в Промышленном районе Смоленска, лейтенант полиции. Родился в семье военнослужащего, поэтому «само собой решил», что после срочной службы в армии останется в вооруженных силах. Подписал контракт и вернулся в Смоленск, в 25-й Отряд специального назначения «Меркурий» (командиром отделения).

Спустя годы службы в «Меркурии» решил пойти служить в полицию. Решение объяснил, как

очевидную необходимость: «просто возникло понимание, что так надо».

Ровно также пришло решение пойти добровольцем на СВО. «Наверное, в некоторой степени это было спонтанное решение. Я понял, что так надо. Для меня это в норме вещей. Но людей, которые боятся, я тоже не осуждаю», — говорит Евгений.

Так надо. Решил — поехал. Родным сообщил уже оттуда — из-за ленточки. Попал он в самое «пекло» — в штурмовой батальон БАРС-20. О том, с чем пришлось

столкнуться на передовой, говорит настолько буднично и скрупульзно, будто он там всё это время не в окопах сидел, а выпиливал лобзиком.

Тем не менее, мы благодарны Евгению за этот откровенный разговор. Возможно, этот его опыт станет для кого-то «Уроком мужества», поможет обрести стержень и сделать правильный выбор. В любом случае, такие интервью — это повод задуматься о чем-то важном и серьезном. Повод остановиться и перейти от клипового, поверхностного мышления к глу-

бокому и целостному восприятию окружающей действительности.

Впрочем, изначально задумывая проект «Я ВЕРНУЛСЯ» мы не преследовали такие глобальные цели. Мы просто решили рассказать правду о смолянах-участниках СВО, об их службе там и о возвращении в мирную жизнь здесь. Без мифов и домыслов.

— Евгений, учитывая, что до этого вам не доводилось быть в горячих точках, не было опыта, на СВО всё для вас было впервые. Мы знаем, там в первый день можно отказаться и уйти — не было такой мысли?

— Там не в первый день, а в любой момент можно уйти. Начальство к этому правильно относилось — если боец не может выдержать, лучше отпустить. Некоторые семейные были — эти тоже, если были проблемы дома, уезжали. Впрочем, уехать сразу не получалось. Мы стоим на ленточке (в красной зоне), а оттуда нет машин до России. Чтобы было понятно: красная зона — это прямо в окопах, где мы службу несем. Желтая зона — там тоже бомбят, но хоть, условно говоря, поспать можно. И зеленая зона — это госпиталь. До зеленой зоны машины ездят еще, а до красной уже нет. Ну вот так люди сидят в зеленой зоне, ждут машину и уезжают, если понимают, что не могут. У меня мыслей о том, чтобы уехать, не было. И я не понимаю людей, которые едут туда добровольцами (а это осознанный выбор) и там говорят — я не могу. Ну а что вы ожидали? Что будет как в 1812 году, что стреляют, и одна пуля из тысячи попадет? Тут уже технологии совсем другие. Это надо понимать.

— Для вас это была первая командировка в горячую точку. Тем не менее, до этого вы армию прошли, потом служба в спецназе «Меркурий». А были среди добровольцев те, кто вообще «не нюхал пороха»?

— Там были даже такие, кто ни разу автомат в руках не держал.

— И такие шли добровольцами?

— Да. Даже мне было страшно, когда ему дали автомат...

— И как люди, которые впервые взяли в руки автомат, показали себя там в итоге?

— По-разному. Кто-то быстро учится, кто-то нет. А кто-то ценой жизни. Вот, ехали колонной до позиции, не доехали 70 метров, под минометный обстрел попали — двое насмерть и пятнадцать раненых. Кто-то до сих пор лечится...

— Работа в красной зоне — как это происходит?

— Ну об этом много уже рассказано. Когда мы приехали на рубеж, мы менялись всегда, потому что невозможно одному составу постоянно сидеть в окопах. Собираешь рюкзак, берешь с собой свечи, спирт, еду, воду — с запасом, на срок от 3 до 6 дней. И спали там несколько дней, пока не придет смена. Здесь хохлы любят минометом закидывать — в обед, вечером. Ну и вот в первую мою смену в 7 утра нас уже «поприветствовали». Ты уже знаешь, куда смотреть — прямо и слева они. И ты наблюдаешь. У нас самая выдвинутая позиция была, поэтому команда: пока занимаемся оборонительной тактикой. Ну и вот сидишь, а в 7 утра сзади тебя начинает всё взрываться...

— И что в таких ситуациях делать?

— Только окопы делать, «лисью нору» — это когда вырываешь углубление в стене окопа на уровне дна, чтобы лёжа туда поместиться, если что — упасть и закатиться туда.

— Когда вы, «новенькие», (те, кто не был в горячих точках) приехали, на вас люди, которые там уже побывали и воевали, смотрели свысока?

— Конечно. Но вот какая штука... Вот один человек прошел чеченскую кампанию. Но он тогда был молодой — ни семьи, ни детей не было, не отягощен был ничем, отвечал только за себя. А сюда приехал — у него уже семья, дети, а рядом — мины и обстрелы. Поэтому, как только мы вернулись из красной зоны, он сразу рапорт написал и уехал.

— Как вы определяете для себя этот период жизни — период участия в СВО? Изменили вас эти три месяца на передовой в чем-то?

— (Улыбается.) Ну, я стал по-другому относиться к начальству. Меня больше не пугают возможные перспективы быть «наказанным» или уволенным, условно говоря. Есть вещи куда серьезнее... Переоценка ценностей происходит, безусловно.

— Есть такая проблема у некоторых бойцов, вернувшихся из горячих точек, в том числе, с СВО — сложно возвращаться в новую реальность. Кто-то не может спать первое время, потому что там, на передовой, остались ребята, с которыми он воевал плечом к плечу, и на-

вяжущая мысль, что он должен быть там, с ними, не покидает. Здесь уже помочь психолога нужна. У вас было такое?

— Нет, у меня не было, но я знаю таких людей. И еще. Когда мы говорим о наших военных буднях, почему-то забываем говорить о том, что там же мирное население есть. Мы в Кременной стояли в тот момент, когда я ездил добровольцем. И вот представьте: там бабушка сидит, последним пучком укропа торгует, там дети есть... Не все уезжают. Нам рассказали, что половину украинцы увозили буквально насильно, особенно молодое поколение — до 45 лет. Но люди все равно пытаются вернуться.

— Из тех, кто остался, как к вам относились жители?

— Мы стояли в Кременной — на тот момент это была «стенка на стенку». Кто-то прямо говорил: мы ждем, когда вернутся наши

украинцы и вас убьют. Мозги, конечно, им промыли мощно. Но не все поддались, всё равно более половины — за русских. Но были и диверсанты — старый дедушка, например, который наши позиции сдавал. Ему на телефон внук кидает фотографию, где он «зигает», такой же и дедушка. У них сильно промыты мозги: «Россия — агрессор, она все время против нас».

— По вашему спокойствию, по улыбке даже и не скажешь, что мы говорим о суровых буднях штурмового отряда. При том, что тогда вы ведь удерживали позиции, ни на шаг не отступив.

— Да, в тот момент, когда мы штурмовыми стояли, у нас фронт выдвинут был, то есть задача была именно оборонительная. Сначала в Кременной, потом в Чернопоповку нас кинули, где мы две недели в окопах сидели. Нам еще сказа-

ли — дней шесть там будете. Ну мы подумали, что надо побольше еды взять и воды. Правда, набрали рюкзаки, а не баулы. Взяли «дошираков» по максимуму, чтоб полегче было нести. Но вот проходит шесть, потом восемь дней, а нас не меняет никто. Но там стоял какой-то наш разведбатальон вооруженных сил. И мы пошли на свой страх и риск в ту сторону, надо было где-то добыть еды. Нашли склад, нашли там запас воды, еще неделю на ней сидели. До нас связь не доходила, мы должны были через мобиков [мобилизованных — ред.] получать информацию. Мобики говорят: мы не знаем, связь пропала, тоже не можем выйти на ваш батальон. И мы так и сидим в окопах (нас туда всю роту отправили) — батальон в Кременной, а мы в Чернопоповке, это километров за 20–25. И внезапно приходит разведка: «А мы вас менять пришли». Я говорю: «А мы вас неделю назад ждали», в ответ: «А мы немножко задержались». Ну мы посмеялись, загрузились в вездеход и, наконец, выехали — кто на крыше, кто где смог найти место.

— Вам страшно было там?

— Ну да, когда нас бомбили. Мы сидим там с товарищем, залезли быстро в блиндаж, а накрыт он был только веточками. Ну я говорю: «Все равно убьет, давай хоть поедим». Пока бомбили, открыли консервы, поели. И мы только уходить стали из окопа — у нас окоп был метров 20, а мы посередине — и вот где мы были, прямо туда мина упала. Вовремя ушли! Когда бомбит, прыгаешь сразу или в блиндаж или в «лисьи норы». Но в «лисьих норах» опасно, осколки разлетаются сразу. В блиндаже

темно, но свечки есть окопные — те, что дети делают и посылают нам сюда. И вот как-то, когда бомбили, одна свечка упала, загорелись рюкзаки пластиковые. И мы чуть в этом окопе не задохнулись. Это вот, кстати, нас в первый день так «поприветствовали». Я тогда руку сжег, мне говорят: «Давай мы тебя вывезем», я отказался. Выпил обезболивающего, мазью помазал... нормально.

— Вот обо всех этих ситуациях вы с улыбкой рассказываете. Там часто шутили?

— Конечно. Если люди там не будут шутить, это ж так легко депрессию словить. Без шуток в армии никуда! Зачем сидеть дрожать? Нет, это не наш путь!

— А такие были, что все время дрожали?

— Да, были. Вот один из тех, с кем мы сидели в яме, возвращается, говорит: «Я больше не поеду». Начальник просит: «Хорошо. Можешь не выходить на позиции, есть и другие задачи, есть задачи свой городок строить. Давай тебя настройку городка отправлю». Но тот ни в какую. Некоторые оставались, были готовы оставаться строить, там безопаснее. Там, где мы строили, это место было ближе к зеленой зоне, там уже поменьше закидывали минометами, не 20 часов из 24. Ну а некоторые говорили: «Нет, я не готов, тут везде может прилететь». И уезжали.

— С семьей в это время как-то связь поддерживали?

— Да, у нас в Кременной администрации, слава Богу, российская, у них вай фай есть. Он на пароле, но они все понимают,

разрешают пользоваться на полминутки, смс отправить.

— Вы уехали на СВО добровольцем никого не предупредив?

— Да. Никого. А зачем? Всё же было решено. Если бы предупредил близких, начались бы слезы, уговоры. Не нужно всё это. Только в МВД я за месяц сказал. Там процедура была такая: пишешь заявление в военкомат, что хочешь быть добровольцем, и месяц твою кандидатуру рассматривают — насколько ты годен. И когда мне позвонили и сказали, что завтра я уезжаю в Ростов, я уже позвонил в кадры и сказал, что уезжаю.

— Когда вернулись, вы сразу здесь же и восстановились — на прежнем месте в прежней должности?

— Да, пришел и на второй день написал рапорт, чтобы меня восстановили. И все, на следующий день приступил к службе.

— Вас послушать, так у вас всё было без проблем. Ни психологических сложностей, ни проблем в адаптации к мирной жизни. Но было же за эти три месяца что-то такое, что невозможно быстро забыть?

— Нет, не было. Хватило день-два пообщаться. Мне все одни и те же вопросы задают, в том числе — приходилось ли убивать, как

это... Я всем одно и то же отвечаю: ничего не знаю, ничего не помню. Понимаете, это не объяснить. Это надо туда съездить и самому посмотреть. Всем советую.

— Искренне советуете? Или шутите так?

— Шутка, конечно. Таким, как я, можно. А другому? Ну посоветуешь, а человека убьют. Поэтому лучше не советовать. А вообще, те, кто бывал в жестких точках, как я, не сильно захочет рассказывать, что там было. Пытаюсь не вспоминать. А есть те, кто в тылу отсидел возле госпиталя, и они приходят, начинают и бухать, и административные правонарушения совершать, и всем тыкать, мол, «Я там был, а ты?» Я отвечаю, что был в Кременной. И всё. Он сразу сникает, потому что, когда я там был, считалось, что именно в Кременной самый замес. Потому что там и скопление техники было, и польские снайперы... А тут приезжают некоторые (немало таких вижу) и уже с претензией: вы мне все должны! Но это по большей части так называемый асоциальный контингент. А те, кто по возвращении снова пошел служить по контракту, кто в ЧОПы, кто в центр поддержки СВО пошел — вот они никогда так не скажут. Потому что не по-мужски.

— Здесь с боевыми товарищами общаетесь?

— Да, с которыми служили — общаемся. Правда, со своей занятостью на работе я особо никого и не вижу. У меня один сослуживец, оказывается, на моем административном участке живет. Вот он только позавчера уехал. Я в 4-м доме на Петра Алексеева [участ-

ковый пункт полиции — ред.], а он в 22-м. То есть, через десять домов отсюда.

— Евгений, а что все-таки побудило поехать добровольцем? Сомнения были?

— Не знаю. Наверное, спонтанно решил. Понял, что так надо. Общались—общались с друзьями, и решил. Когда отправил заявку и ее рассматривали, я еще думал, задавал себе не раз вопрос: надо или, может, не надо. Решил, что все-таки надо. Не знаю, почему. И сейчас думаю, не поехать ли опять.

И тоже не знаю, из-за чего. Тоже с товарищем сидим, и он так же думает, может съездить. Я бы на три месяца съездил, у меня двое детей. Если бы еще отпуск давали, можно было бы кататься туда—сюда. В некоторых «БАРСах» дают отпуск, начальники не препятствуют. Пятьнадцать дней плюс дорога. А у нас такого нет, только если на год идти, тогда, может, дадут. Но год детей не видеть... нет. А на три месяца съездить можно.

— Не боитесь после всего, что удалось пережить?

— Не боюсь. Чего там бояться?

— Вы ездили на фестиваль молодежи в Сочи...

— Да, меня подали как участника СВО, заполнил анкету, съездил посмотрел. Думал, чем-то помочь надо. А по факту приехали все отдохнуть туда.

— На «Уроках мужества» в школах выступать не приходилось?

— Да, и в МВД говорят, надоходить беседовать в школы, ты у нас участник СВО. А что я буду рассказывать? У меня в принципе такая работа, что я привык особо никому ничего не рассказывать. И с людьми пытаюсь ограничивать общение. Так что лишний раз куда-то идти общаться, особенно с теми, кому ничего не надо... Подходишь к школе, там школьники стоят, пиво пьют. Отбираешь у них пиво, а они еще и обижаются.

— Ваши дети стали на вас как-то по-другому смотреть, когда вы вернулись оттуда?

— Ну они маленькие еще, старшему семь лет, младшему пять.

— Какого будущего вы для них хотите?

— Хотя бы без войны, чтобы их не трогали. Представляете, как дети из Белгорода живут?! Они даже не во фронтовой зоне, а их все равно бомбят. В Красный бор к нам привезли белгородских детей, и они, маленькие, плачут, хотят к маме. Но все понимают, что для детей лучше здесь, чем там. У них там родители остались, а их там бомбят каждую неделю по три раза. И даже до нас долетает. Вот чтобы такого не было хочу. Я всем этого хочу пожелать, чтобы всё побыстрее закончилось нашей Победой... ■

«Воин должен помнить, что невозможно победить зло внешнее, не победив его внутри себя»

«Если кто искал для себя Бога, там это быстро происходит» — иерей Фёдор Зинченко в проекте «О чем говорит Смоленск» «Я ВЕРНУЛСЯ»

Нынешний герой нашего проекта «Я ВЕРНУЛСЯ» — помощник командира 144-й Гвардейской мотострелковой дивизии по работе с верующими военнослужащими иерей Фёдор Зинченко, настоятель прихода храма в честь святителя Николая Чудотворца деревни Деменцина Смоленского района Смоленской области.

Отец Фёдор — штатный военный священник, капеллан. Он окормляет тех, кто выполняет свой долг перед Родиной на передовой.

«Когда я прибыл на место расположения части, меня разместили в блиндаже с военнослужащими, их было восемь человек. Выдали спальный мешок и показали свободное место, где я смогу отдыхать», — так буднично, без каких-либо эмоций отец Федор ответил на наш вопрос о том, с чего началось его служение в зоне СВО.

Переоценить важность и сложность служения капелланов невозможно. Ведь военный священник не только крестит, исповедует и причащает бойцов, он должен дать такие советы воину, чтобы тот мог в любой ситуации оставаться человеком, а в иных ситуациях — и поддержать боевой дух на линии боевого соприкосновения...

— Отец Фёдор, вашим командировкам в зону СВО предше-

ствовала какая-то история? Почему вы решили стать военным священником?

— Мой сын — офицер (гвардии капитан). После отправки на СВО какое-то время связи с ним не было, не было никаких известий от него. Когда же появилась возможность узнать, как у ребят дела

на линии соприкосновения, стало понятно, что сразу же их позиции подверглись мощному обстрелу противника. Позже сын сказал, что в апреле теперь его второй день рождения...

И вот, когда с фронта от сына не было никаких известий, пришло понимание, что невозможно

так вот сидеть и ждать... Тогда я твердо уже для себя решил, что мне надо быть там. Не сидеть и ждать, а действовать, надо идти и помогать, нести свое служение там, где в этом есть острая необходимость. Пришло понимание, что нужно идти оказывать нашим бойцам духовную помощь, молиться бок о бок с ними, а кого-то и научить это делать.

— Как на практике осуществлялось решение отправиться в зону боевых действий?

— В конце каждого года в нашей епархии проходят епархиальные собрания для духовенства. И на таком собрании, в декабре 2023 года, наш Владыка митрополит Исидор сообщил, что необходимы военные священники в зону СВО, и добровольцы могут обратиться к руководителю епархиального отдела по взаимодействию с Вооруженными силами иерею Сергию Маркову.

Конечно же, я без колебаний сразу после собрания обратился к отцу Сергию, и после новогодних

праздников по благословению Владыки был назначен помощником командира 144-й гвардейской мотострелковой дивизии — штатным военным священником.

А в апреле 2024 года я отправился в первую свою командировку — в один из населенных пунктов ЛНР, где находилась наша 144-я дивизия. Взял с собой все необходимое: свечи, масло лампадное, крестики, иконы, запасные Дары для Причастия, церковное облачение, военное обмундирование и личные вещи. Вещей оказалось два больших тактических рюкзака.

И хочу, пользуясь случаем, поблагодарить наших волонтеров («Наш тыл-67»), которые с радостью любезно предоставили мне всё необходимое для поездки в зону СВО (в том числе, рюкзак и камуфляжную форму). Швея по имени Надежда сшила форму лично для меня — камуфляжный епитрахиль, поручи и скуфью. Пользуюсь с радостью и всегда благодарю и молюсь за наших волонтеров!

— Как вы для себя определяете миссию военного священника?

— Сегодня, когда попрание законов Божиих и человеческих становится делом обыденным, эта миссия особенно важна и ценна. На наших бойцах, воинах, защитниках России лежит не только огромная ответственность, но и подвиг личной христианской жизни.

Воин должен помнить, что невозможно победить зло внешнее, не победив его внутри себя. Поэтому роль православных капелланов очень важна. Необходимо научить бойцов прежде всего быть верующими людьми. Людьми, осознанно выполняющими свое нелегкое жертвенное служение — защиту Отечества от многочисленных

врагов, защиту религиозных ценностей, которыми живут народы России. Поэтому военному священнику мало иметь только знания, нужно и самому быть примером во всем для своей военной паствы. Хочешь научить жертвенности других — жертвуй собой сам.

— Как встречают бойцы священнослужителей?

— Встречают тепло, с огромной радостью, с большой охотой и духовным трепетом. Там каждое подразделение военнослужащих старается пригласить священника к себе в блиндаж. Угощают чаем, и за чашкой чая мы беседуем на духовные темы, и я приглашаю бойцов для Таинства Исповеди и Причастия.

Все эти встречи, беседы во время таких простых чаепитий, а также Причастие святых Христовых Таин помогают ребятам выживать в условиях реальной угрозы смерти и понять, как в нечеловеческих условиях оставаться Человеком и даже больше — Христианином. За четыре командировки десять человек я покрестил.

— Где проходило крещение?

— Пока храма не было, всё проходило в «политкомнате». В первую мою командировку я там как раз крестил трёх военнослужащих (все трое штурмовики). И недавно (в ходе четвертой командировки) крестил еще семь человек. Таинство Крещения уже совершал в новом полевом храме в честь святого мученика Меркурия Смоленского, который мы построили. Сразу после освящения храма крещение проходило. Ребята подходили с этой просьбой сами, заранее записывались.

— В рамках нашей рубрики «Я ВЕРНУЛСЯ» нам приходилось

общаться с самыми разными нашими ребятами, побывавшими на СВО, и они были едины в убеждении, что там — за ленточной — люди чище помыслами и поступками, нежели здесь, в мирной жизни. А что показывает исповедь? Там действительно грешат меньше, чем в мирной жизни?

— Грешат и там, и здесь. Как в Священном Писании сказано, нет человека, который бы не согрешил. Но есть такой грех, характерный для боевой обстановки в большей степени (и даже наш Святейший Патриарх как-то на собрании выделил его особо) — это сквернословие. Оно не так безобидно, как кому-то может показаться. Мы должны хранить свои уста чистыми. А мат — это язык нечистой силы, и применяющий его человек приобщается к этому злу. Прибегая к языку нечиисти, человек навлекает на себя большие несчастья.

И очень заблуждаются те, кто легкомысленно говорит: «Мат — это второй язык для армии». Мы как священники, как духовные лица, особое внимание этому уделяем и объясняем, почему сквернословие — большой грех. Мат — это трансляция мыслей и слов тех страшных сил, которые борются с Богом, а повторение таких слов есть присоединение к той темной силе. Если ты в словесных нечистотах упоминаешь мать, ты в первую очередь Святую Богородицу упоминаешь, во вторую — свою родную мать ругаешь.... И вот когда это объясняешь, ребята начинают осознавать и понимать, что действительно в ходе сквернословия происходит отказ от Бога и погружение во тьму дьявольских сил. Когда же мы призываем имя Божие, нам Бог помогает.

— Отец Федор, вам приходилось совершать службу под обстрелами?

— Под обстрелами непосредственно — нет. Полевые храмы находятся чуть дальше от самой линии соприкосновения, где проходят штурмы. Бойцы в храме берут благословение перед боем и убывают на задания прямо туда, где идет бой. Но у храма слышны отголоски боев.

Чаще всего священник работает с военнослужащими во втором или третьем эшелоне. Но бывают экстренные ситуации, когда священникам приходится выходить на первую линию, когда воинов нужно поддержать в боевой обстановке. Это очень важно, хотя, к сожалению, не все командиры это понимают. А священник действительно является проводником силы Божией в этом мире. Через него Бог может изменить ситуацию, не только укрепить дух, но и воздействовать на саму реальность.

Поэтому священники выходят на первую линию не только для того, чтобы подбодрить бойцов, но и для того, чтобы своей молитвой вместе с молящимися ребятами, вымолить у Бога победу.

Но большая часть работы у батюшек проходит все же во вторых эшелонах, куда бойцов выводят с первой линии, с линии огня, для отдыха и восстановления боеготовности.

Поэтому командиром нашей дивизии и мной было принято решение построить полевой храм блиндажного типа в честь Святого мученика Меркурия Смоленского во втором эшелоне — в более безопасном месте.

— Вам бывало страшно? Страх там — это же нормально, вопрос в том, как победить этот страх.

— Конечно, все ребята и их командиры в зоне СВО испытывают сильнейшее психологическое напряжение, стрессы и чувство страха, в том числе. Меня лично спасает от страха вера в Бога и молитва, она успокаивает, отводит страх. Этому учу и бойцов.

Сами ребята (те, кто уже поопытнее) говорят, что в зоне боевых действий страшно только до первого выезда на передовую и первые дни в окопах. А потом уже начинаешь понимать происходящее, начинаешь по звукам определять, из чего и откуда стреляет противник. На-

чинаешь понимать логику боевых действий. И через некоторое время страх уходит.

Знаете, когда мой сын выехал с передовой за пополнением гаубиц, мы созвонились по видеосвязи. И я смотрю, он все головой вертит. Спрашиваю: «Что ты там ищешь?» А он мне отвечает: «Не ищу, просто непривычно... тихо. Уже как-то эта тишина напрягает».

Со временем понимаешь, что прятаться надо не от миномета, а от беспилотника, который наводит и корректирует минометы. Стреляет не минометчик, а корректировщик и оператор дрона.

А с хорошим командиром нет никакого страха. Такой командир следит и требует соблюдать меры безопасности, у таких командиров и потерь больших нет в личном составе.

Есть такая поговорка: «Хороший командир не тот, который позволяет тебе лениться, а тот, который дерет с тебя три шкуры». Благодаря этому ты останешься жив, выполнив задачу, и вернешься героем. Дай Бог всем командирам заступничества святых и милости Божией!

— О чем обычно спрашивают бойцы священника? Приходится слышать вопрос: «За что мне всё это?»

Бойцы не спрашивают, для чего все это. Они понимают, что идет борьба со злом, и когда в храме читается молитва и произносится слово «победа», то речь идет не только о победе в реальном бою, но и о победе Добра над злом.

Что касается конкретных вопросов от бойцов, то большей частью поступают такие, как например: «Я боюсь за свою семью, боюсь, что они останутся без меня. И если я не вернусь сюда обратно, то совершу

ли я духовное преступление?» Я говорю в таких случаях, что это будет его выбор, и никто его за этот выбор осуждать не станет.

— Отче, по вашим наблюдениям, люди становятся более ожесточенными, когда приходится смотреть смерти в лицо?

— Я бы так не ставил вопрос. Дело в том, что боевые действия не только меняют человека, но и рас-

жизнью и смертью. И в таких условиях нашим бойцам особенно важна поддержка со стороны священников. Которые, как и я, как и другие капелланы, живут в полевых условиях вместе с ними.

— Есть ли история какого-то бойца, которая потрясла вас или особо запомнилась?

— Истории, конечно, есть. Но одна мне запала в душу. Я при-

ставляют приоритеты в его жизни. Конечно, любая война — это большое зло, беда, горе. Но ребята видят смысл своих действий в защите жизней гражданских людей, обычных семей. Поэтому ожесточения в их глазах и сердцах я не видел. Зато отчетливо была видна в их глазах осознанность своего выбора — идти защищать свое Отечество.

Там, за ленточкой, отчетливо чувствуется тонкая грань между

ехал в соседнее подразделение, в госпиталь, который называется «Восстанавливающийся военный полк». Там находятся ребята военнослужащие после ранения. И вот был там один боец, уже в возрасте, зовут его Пётр, у него были ранены правая рука и правая нога, он даже молился левой рукой, и он рассказал свою историю. Когда они штурмовали один из населенных пунктов, на них вылетел целый

рой «птичек» (дронов). Он хотел укрыться, но все попытки были безуспешными. А дроны начали сбрасывать гранаты. Тогда он просто лег на открытом месте лицом вниз и стал молиться. Все молитвы, которые знал, прочитал. Некоторые гранаты взрывались рядом, но не причинили ему вреда. Одна граната взорвалась совсем рядом с головой, он получил контузию и ранение в руку и ногу. Так он пролежал весь день, не подавая вида, что живой. И только вечером, когда стемнело, он сам себе оказал первую помощь, перевязал раны, и стал пробираться к своим. Говорит: «Благодарен Богу за жизнь, а раны заживут». Дай Бог ему многих лет жизни! Молюсь за него.

— Вы же видите, меняются люди или нет. Ваш опыт общения с бойцами что говорит — многие меняются там?

— Да, меняются. В тех условиях невозможно не поменяться. Тем более, если кто искал для себя Бога, там это быстро происходит. И ребята возвращаются после боя, идут в храм постоять и помолчать перед иконами. Просят крестить их. Это не просто просьба, это зов, крик души. Потому что в окопе или во время штурма единственное спасение — держаться за веру. Даже кто не верил, начинают чувствовать необходимость быть с Богом. В тот момент человек осознает, что сам он немощен и только вера в Бога может поднять его и защитить.

— А лично вас изменили эти командировки в зону СВО?

— Я считаю, что изменили. Даже наш Владыка Исидор сказал: «Отец Фёдор нашел себя в военном деле», и в этом я с ним полностью согла-

сен. Я как-то сразу понял, что это мое, жизнь наполнилась новыми смыслами.

— Поддерживаете связь с бойцами, когда возвращаетесь из командировок?

— Обязательно. В Телеграмме общаемся, стараюсь поздравить со всеми праздниками, узнать, как у них дела, где они. Высылаю им фотографии, они шлют свои. И это тоже очень поддерживает духовно и меня, и ребят.

— Кому-то нужно чудо, чтобы уверовать. Приходилось наблюдать такое?

— Нет, не приходилось. Мой опыт говорит, что на передовой нет тех, кто будет долго дискутировать или требовать чудо. Там или веришь и идешь в бой с Богом в сердце, или (если еще не пришел к Богу) путь воцерковления проходит быстро, без каких-то долгих сомнений и чудес.

— Отче, спасибо большое за то, что нашли время на эту беседу. У вас есть возможность обратиться к нашим воинам на передовой и через печатное слово...

— Дорогие бойцы, ребята! Каждый из вас лично для себя уже определил, за что воюет. Мы отстаиваем право на веру, на свободу и справедливость. Наше оружие направлено на тех, кто угнетает слабых, убивает мирных и беззащитных людей, кто разрушает и оскверняет храмы. Правда Божия на нашей стороне, именно поэтому мы победим.

Бойцы, помните всегда о завете нашего великого полководца Александра Васильевича Суворова, который говорил: «Всегда молись Богу, от него Победа, Бог наш генерал, он нас водит! Без молитвы

ничего не начинай, сабли не обнажай, оружие не заряжай!»

И военные всегда стараются все это соблюдать. Молиться в армии никто не заставляет, молятся солдаты по велению сердца.

Император Александр III говорил: «Во всем свете у нас только два верных союзника — Русская Православная Церковь и Российские вооруженные силы». Это — два крыла, на которых Россия сможет вновь взлететь на ту высоту, на которую её вознесла верность народа вере своих великих предков.

Все вы, конечно, знаете заповедь «Не убивай», которая, казалось бы, воспрещает брать в руки оружие, но Господь дал нам и другую заповедь: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15.12,13).

Воин-христианин берет в руки оружие не для того, чтобы убивать, а для того, чтобы защищать тех, кто не может себя защитить. Он идет умирать, чтобы другие жили. ЭТО ПОДВИГ!

Дорогие воины, хочется пожелать вам Божией помощи в ваших ратных трудах, мужества, стойкости и крепости духа. Вы наши защитники Отечества. А Отечество это наше всё: наши родные земли, наши храмы, семьи, жены, дети, родители, братья, сестры и друзья.

Воин должен следовать законам добра, любви и милосердия. Но когда нужно, он должен брать оружие и давать бой на уничтожение силы зла.

Дай вам Бог понять свою меру ответственности. Берегите Россию и помните, от вас зависит её будущее! Мы сражаемся, за правое дело, Победа будет за нами! ■

Смоленский филиал фонда «Защитники Отечества» — о том, что остается за кадром

Руководитель смоленского отделения Наталья Полушкина — о борьбе со стереотипами, психологической поддержке, о том, почему обществу придется меняться, и почему возвращение бойца из зоны СВО — это только начало большой работы

Фонд «Защитники Отечества» был создан в ответ на вызовы времени для решения масштабных задач по поддержке участников СВО и их семей. Но как устроена эта работа изнутри? Что стоит за сухой статистикой оказанной помощи? Руководитель смоленского филиала фонда Наталья Полушкина в эксклюзивном интервью «О чем говорит Смоленск» рассказала о том, что ранее оставалось за кадром.

В этой нашей беседе нет места общим фразам. Только честные ответы на сложные вопросы: о психологических травмах, которые не заживают сами, о стереотипах, мешающих просить о помощи, о том, почему ветераны СВО рвутся обратно в зону боевых действий, как спорт становится спасением и в чем сила «Маминого сердца». Это разговор не только о помощи, но и о личном выборе, мужестве и о том, почему «как раньше» — уже не будет.

— Фонд «Защитники Отечества» был создан год спустя после начала СВО. Причина его создания понятна, это была назревшая необходимость. И было сразу ясно, что это будет серьезная структура, заточенная на решение стратегических задач, которые соответствуют новым вызо-

вам. Наталья Иосифовна, как вы полагаете, почему именно вы получили предложение возглавить региональное отделение фонда?

— Я на тот момент работала в некоммерческой организации «Ради Будущего» и являлась заместителем руководителя государственной организации «Точка опоры», которая работает с детьми-сиротами, с детьми, оставшимися без попечения родителей. Думаю, эта моя деятельность в некоммерческом секторе и стала базовой составляющей в части предложения мне продолжить работу уже в филиале фонда «Защитники Отечества».

— **Были какие-то сомнения? Как вы вообще отнеслись к этому предложению? Понятно, что это честь и большое доверие... Но какие-то сомнения были?**

— Конечно, было понимание, что это честь и доверие. Но когда нам поступают предложения о смене направления работы, мы всегда исходим из того, позволят ли собственные ресурсы выполнить новые задачи. Это первое.

Второе. Каждый из нас понимает, что профессиональных компетенций, полученных на прежнем месте работы, может не хватить. Хотя у меня в данном случае и были предпосылки для работы с новой

целевой группой — ветеранами боевых действий, участниками СВО и членами их семей, я осознавала, что моих знаний будет недостаточно.

Здесь важны не только имеющиеся навыки, но и желание получать новые, а также умение работать в команде. Конечно, «роль личности в истории» никто не отменял, но мы всегда сильны командой. Я прекрасно понимала, что уходя на новое направление, нужно решить две задачи: уйти с минимальными потерями для предыдущей работы и при этом быть уверенной, что я смогу сформировать новую команду, способную работать эффективно. Я отдавала себе отчёт, что задача сложная.

**«Решится
не каждый»**

— **Как вы подбирали команду?** Наверное, очень непросто совершенно новое, стратегически важное направление, которое предстояло выстроить с нуля, привлечь опытных грамотных специалистов.

— Для муниципалитетов нам помогло подбирать специалистов наше Министерство социального

развития. Было принято решение, что часть сотрудников придёт оттуда. Самой большой сложностью был поиск моих заместителей по правовому сопровождению, цифровизации, персонализации данных, по работе со СМИ, по общественным проектам. Спектр задач очень широкий. И вы правильно заметили, что привлечь состоявшегося профессионала в совершенно новую организацию очень непросто. Это значит, что он должен поверить и в деятельность фонда, и в тебя как руководителя. Он должен быть готов начинать всё с нуля. На такое решится не каждый.

Кроме того, нужно было учитывать сложность целевой группы, с которой работает фонд. Это люди, прошедшие через боевые действия, это семьи, потерявшие близких. С такими людьми ты не имеешь права на ошибку. Понимая весь эмоциональный груз, который ляжет на социальных координаторов — тех, кто непосредственно контактирует с людьми, к подбору команды нужно было подойти особенно тщательно.

— Все ли сотрудники «первого призыва» остались? Все выдержали?

— Не все.

— И нельзя их обвинять, на-верное?

— Чтобы было понятно, я проведу параллель с целевой группой, с которой я работала ранее, до того, как возглавила филиал фонда «Зашитники Отечества». Когда работаешь с детьми-сиротами, главная цель — устроить ребёнка в семью: под опеку, в приёмную семью или через усыновление. Но люди, желающие взять ребёнка, должны трезво оценивать свои силы и ре-

сурсы, быть честными прежде всего с самими собой. Здесь совершенно неприемлемы поверхностные, эмоциональные порывы. На эмоциях можно быстро принять кажущееся правильным решение. Но эмоция проходит, обстоятельства меняются, а решение уже не отменишь. Это касается серьёзного шага — принятия ребёнка в семью.

Я ни в коем случае не говорю, что какие-то неудачи — это вина координаторов, которые не выдержали испытаний, что у них не хватило компетенций. Дело совсем не в этом. Во-первых, работа социальных координаторов фонда тогда только начинала формироваться как отдельное направление. И люди, соглашаясь на неё,

Точно такая же параллель возникает с социальными координаторами, которые работают с ветеранами боевых действий и семьями, потерявшими близких на СВО. Ты должен понимать, хватит ли твоего внутреннего ресурса на эту работу.

до конца не понимали, с чем предстоит столкнуться, потому что всё происходило очень быстро. Указ президента был уже принят, мы знали, что будет создана организация, знали нашу целевую группу, но четких задач и методик работы на старте ни у кого не было.

Мы все пришли из разных сфер. Поэтому в марте, апреле, мае 2023 года каждый из нас, включая меня и социальных координаторов, проходил обучение. Нас приглашали в РАНХиГС в Москву, где мы получали базовые знания. Так что говорить, что кто-то виноват — Боже упаси, нет.

Те, кто ушёл, как правило, сделали это потому, что поняли: они не справляются психологически. Мы с вами прекрасно понимаем: если ты чувствуешь, что не готов к чему-то, что работа идет в ущерб семье или собственным детям, то продолжать нельзя. Потому что мы можем невольно травмировать и своих близких.

Желание помочь ребятам, помочь семьям — это чудесный порыв. Но надо отдавать себе отчёт, что звонок от них может поступить и глубокой ночью, и далеко не все близкие будут это понимать и поддерживать. К тому же, поначалу были сложности с понимани-

ем, как именно нужно работать, каков должен быть режим работы и сроки ответов на обращения. Вот в этот период люди стали уходить.

Часть ушла по состоянию здоровья. Потому что, как бы мы ни говорили о своей силе, какими бы крепкими ни были... У меня базовое образование — педагог-психолог, и я могу сказать: иногда сдаю даже я. Я понимаю, когда мне нужно время, чтобы восстановиться.

«Источник силы» и поддержка профессионала

— Кстати, учитывая, что психологические нагрузки — неотъемлемая часть работы, как сотрудники фонда с этим справляются? Помощь психолога здесь необходима?

— Я и до этой работы прекрасно понимала, что такое профессио-

нальное выгорание. И мой предыдущий опыт лишь подтвердил, как важно работать с сотрудниками в этом направлении. А в нашей нынешней сфере без этого просто нельзя.

Здесь важна и работа каждого над собой, и помочь специалистов. Нам очень повезло: мы наладили тесное сотрудничество со Смоленской митрополией. Огромное спасибо владыке Исидору и коллегам! При такой работе очень важно понимать, откуда черпать силы. Для нас таким источником сил стало взаимодействие с Русской Православной Церковью.

Более того, в епархии работают сильные специалисты, кризисные психологи — они молодцы. Ещё до того, как мы начали тесно взаимодействовать, мы переняли их опыт, получили экспертные оценки нашей деятельности и организовали психологическое сопровождение для нашего коллектива — социальных координаторов и их заместителей.

Благодаря такой системной работе, в этом году мы расширили целевую группу. Теперь с нами вместе активнее участвуют в мероприятиях и сами ветераны боевых действий, входящие в актив Ассоциации ветеранов боевых действий Смоленской области. Так что я изначально понимала важность этого направления, мы его предусмотрели. За что всем огромное спасибо. Также каждый из наших сотрудников может обратиться к клиническому психологу — прикомандированному специалисту от Министерства здравоохранения Смоленской области.

Кроме того, что клинические психологи работают здесь, мы выстроили выездную работу с нашим Минздравом. Так что и специали-

сты, и социальные координаторы, и сама целевая группа: ветераны СВО, члены их семей могут получить психологическую помощь и поддержку в индивидуальном формате. В муниципалитеты выезжают бригады.

— **Наталья Иосифовна, но ведь далеко не каждый из вернувшихся бойцов готов признать проблему и согласиться на помощь психолога. Как вы убеждаете это сделать мужчин, для которых существует стереотип: «обратился к психологу — значит, слабак, не справился»? Вот он воевал, а теперь ему нужен «мозгоправ»... Многим сложно отказаться от этого ложного стереотипа.**

— Сказать, что это поле деятельности беспроблемное, я не могу. Да, вы правы. Стереотип о том, что обращение к психологу — это демонстрация слабости, до сих пор силён. А я считаю, что всё наоборот. Только сильный человек, понимая, что у него возникли временные сложности, может найти в себе силы пойти к профессиональному. Важно понимать, что психолог — это человек с образованием, более того, клинические психологи, которые с нами работают, прошли специальную подготовку в НИИ имени Сербского, чтобы работать именно с военной травмой, с травматизированными людьми в целом. Это касается и семей, которые долгое время находятся в состоянии стресса и ожидания — чьи близкие сейчас в зоне боевых действий, или тех, кто не может найти своих родных, не вернувшихся с задания, и, конечно, семей погибших.

Психологи из епархии, с которыми мы сотрудничаем, тоже прошли соответствующую подготовку. Мы долго обсуждали, как должна быть построена эта психологиче-

ская поддержка, и пришли к выводу, что она должна быть психолого-социальной. И благодаря тому, что сейчас есть несколько вариантов — через обращение в Церковь, через специалистов по конкретным проблемам, через диспансеризацию, — я надеюсь, мы сможем переломить этот стереотип.

— **Здесь роль семьи, наверное, важна не в последнюю очередь.**

— Вы знаете, огромная роль здесь отводится и семье. Очень важно понять одно: это состояние — временное. Часто наши физические недомогания влекут за собой проблемы психологические.

Так вот, нужно понимать: когда ребята возвращаются, некоторые из них очень долго не могут нормально уснуть. Поэтому мы и проводим разъяснительную работу с семьями. Объясняем, что физические проявления — это важный сигнал, который заставляет иначе взглянуть на состояние любимого человека. И это повод сделать шаг навстречу специалисту, который поможет исправить ситуацию, потому что он — профессионал. Мы же почему-то не хотим принять простую вещь: психолог — это профессионал. Просто в это нужно поверить.

«Они возвращаются другими»

— **На одном из заседаний регионального Всемирного Русского Народного Собора вы очень эмоционально рассказывали о том, что наши ребята вернулись с соревнований «Кубка защитников Отечества» с победой. И тогда не все присутствующие в зале**

смогли заразиться этой вашей эмоцией, потому что тема Собора была другая — укрепление традиционных ценностей. Тем не менее, вы свое выступление решили посвятить именно победе наших воинов на Кубке. Почему?

— Когда ребята возвращаются из зоны боевых действий, они возвращаются другими. Совершенно другими. Там, на фронте, меняется система ценностей: цена жизни, цена дружбы, цена товарищеского плеча. Мне кажется, люди перестраиваются за очень короткий срок. Чтобы выжить, ты должен безоговорочно доверять тем, кто рядом. То самое мужское, военное братство — это не просто слова, там это наполнено реальным, жизненно важным смыслом. И вот, получив этот колossalный опыт...

— **Не можем не процитировать Дмитрия Ковалёва, который в интервью нам сказал: там ребята становятся чище, добре.**

— Абсолютно верно. А здесь они сталкиваются с другой реальностью. Их ключевая характеристика — обострённое чувство справедливости. Оно формируется там и переносится сюда. И когда они приезжают в отпуск или возвращаются из-за ранений, понимая, что уже не вернутся в строй, они переживают за оставшихся там. Они здесь, а их товарищ — там, и он бы сейчас прикрыл спину, вытащил, просто был рядом, усиливая своего бойца...

А здесь они порой встречают равнодушие, хамство, безразличие. Для них само безразличие уже воспринимается как хамство. Непонимание того, что происходит там, для них становится своеобразным триггером. Поэтому

ребята, практически все, снова рвутся туда. Жёны приходят и умоляют: «Помогите отговорить!» Но это — выбор бойца. Мы не вправе его отговаривать, потому что мы не были на его месте. Он имеет на это право — вернуться, несмотря на полученное ранение, несмотря на инвалидность. Значимость его нахождения там для него огромна.

— Я думаю, они и вам говорили: «Я там нужнее».

— Конечно. Мы пытаемся объяснить, что и здесь задачи не менее важны, и это правда. Когда боец, получивший инвалидность, понимает, что вернуться туда он уже не может по состоянию здоровья, ему необходимо найти для себя новую значимую деятельность. Где-то это «Уроки мужества» — и это правильно. Мы стараемся привлечь каждого вернувшегося бойца, кто готов и хочет. Ведь работа с детьми, подростками, студентами тоже требует определённых компетенций, несмотря на весь боевой опыт. «Уроки мужества», участие в гражданско-патриотическом воспитании — это одно направление.

И очень важное направление — спорт. Для многих спорт — это возвращение к жизни и лекарство от депрессии. Меня тогда просто распирало от эмоций. Потому что нам, здоровым или не очень, но ходящим на своих ногах, легко говорить о своем участии в спорте. А как быть ребятам, у которых были руки, ноги, а сейчас их нет? Порадоваться, почувствовать, что жизнь продолжается, что он может также насладиться победами в соревнованиях, насладиться жизнью, они могут только преодолев себя.

— Когда вы со своей командой втягивали ребят в эту спортив-

ную историю, в выступления на Кубке, наверное, немногие поверили, что это вообще возможно?

— Скажу так: главное — сделать первый шаг. Знаете, как у нас часто бывает? Сразу думаем: «Ай, да ну, кто на это пойдёт?» Мы пытаемся поставить себя на место другого человека, но часто ошибаемся. Мы не на их месте, мы можем неверно оценить ситуацию. Но мы можем предоставить им возможность.

Когда мы решили принять участие в первых соревнованиях, мы просто сказали ребятам: «Поехали!» А они в ответ: «Как? Мы же не тренировались, мы не готовы». Я спросила: «Чем мы рискуем?» Ничем. И они поехали, мой заместитель, Инна Анатольевна, поехала вместе с ребятами. Важно было не только их убедить, но и показать, что ты рядом, что они не одни, брошенные в незнакомом месте. Мы их сопровождаем — «Мы здесь, мы с вами». Мы решаем все организационные вопросы, вопросы проживания, другие вопросы — а их, поверьте, немало.

И вот, видя эту поддержку, ребята поверили. А когда они приехали и увидели всё своими глазами... Ведь ресурсы у регионов разные. Они посмотрели, пообщались друг с другом: «А у нас есть вот такие секции», «А нам область закупила вот это оборудование». Они обменялись опытом и поняли, что в жизни есть ещё к чему стремиться.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали нашу беседу: если в тебе самом нет сил, ты не сможешь помочь другим. Это банально, но это факт. А здесь ребята видят свой личный пример успеха. Он может показать свои достижения в стрельбе, и они радуются, как дети.

И что самое важное и чему я не сказано рада — они поняли, что

сами для кого-то стали тем спасительным огоньком. Тем спасительным кругом, что удерживает товарища от рюмки, от отчаяния, когда жить уже не хочется. Они смотрят друг на друга и думают: «Вот Андрей смог — и я смогу!» Это «Андрей смог — и я смогу» и позволяет им увидеть выход из той сложной ситуации, в которой они оказались.

О доверии и встречах с губернатором

— В рамках нашего проекта «Я ВЕРНУЛСЯ» довелось довольно много общаться и с ветеранами нашими, и с участниками СВО. И вот мы видели на протяжении этих двух лет, как росло их доверие к фонду: оно росло постепенно, не сразу. Один из ветеранов сказал: «Я бы сам ни за что не пошел. Мне подсказал Дима Ковалёв, заверил, что там реально помогают». Вот так идет, по цепочке, по рекомендациям.

— Конечно. Работая здесь, важно помнить принцип: если ты кому-то помог, этот человек будет рассказывать о том, как ему помогли. Если ты не смог помочь — он так же будет транслировать это, скажем так, с отрицательным знаком.

— Губернатор Василий Антонин в ходе поездок по муниципалитетам всегда встречается с ветеранами, с членами семей участников СВО. Насколько откровенным и полезным для обеих сторон бывает разговор на этих встречах? И не становятся ли они поводом для обиды, что

кого-то не оказалось в списке приглашенных?

— Мне иногда хочется сказать коллегам и представителям семей: да, безусловно, существуют объективные сложности, мы не можем собрать всех и организовать встречу с первым лицом региона для каждого. Тем, кто подозревает, что бойцов «готовят» как-то к этим встречам с Василием

встрече мы находим такие болевые точки.

Когда мы говорим о сложностях адаптации, о вовлечении в спорт или гражданско-патриотическое воспитание, нужно вспомнить: разве нынешняя ситуация — первая подобная в истории России? Нет. Их было немало. Именно поэтому мы проводим параллели с Великой

«Как раньше» уже не будет

— У нас сейчас в регионе действуют 50 мер поддержки участников СВО и их семей, из них 37 бессрочные. Это цифра такой останется или она может измениться?

— Я не исключаю, что она будет меняться, но говорить об этом преждевременно. Единственное, могу сказать, что мы — один из тех регионов, которые думают наперед. Почему некоторые меры у нас бессрочные? Например, меры поддержки семьи. Неважно, за лентой боец или вернулся, меры поддержки все равно действуют. И так должно быть. Потому что он защищал Родину, он защищал нас, свою семью, свой регион, и эти меры поддержки должны быть бессрочными. Это правильно. Поэтому я говорю, что здесь ключевая фаза «участник специальной военной операции» и дверь перед ним должна открываться всегда и везде.

— Есть один момент. У нас регионе действует карта «За Добро» для ветеранов СВО. Но на практике далеко не все, не весь частный бизнес, готов по этой карте делать скидку. Более того, ребята могли услышать в свой адрес вопрос: «Вам что, платят мало?» И когда ребята этому предпринимателю пытаются объяснить, что эта история вообще не про деньги, сталкиваются с полным непониманием.

— К сожалению, хотим мы этого или нет, но разделение в обществе есть. Есть люди, которые погружены в проблему, а есть те, кто сидит в своей «норке», в своём «домике». Их жизнь — праздник, и специаль-

Николаевичем, хочу напомнить о главном: члены семей участников СВО, семьи погибших, сами ветераны — это та категория людей, которая не будет лгать или приукрашивать действительность. Их мнение — это честный срез реальности, своего рода экспертная позиция.

Суть таких встреч не в том, чтобы просто поговорить и услышать слова благодарности. Важнее всего выявить те реальные проблемы, которые по разным причинам до сих пор не решены. И это действительно работает: на каждой

Отечественной войной, Афганистаном, Чечнёй.

И здесь абсолютно правильное решение принял Василий Николаевич: после каждой встречи с семьями участников СВО в муниципалитетах следом идут встречи с ветеранским сообществом — с теми, кто прошёл и Афган, и Чечню, и Сирию. Главная задача сейчас — не допустить тех ошибок и проблем, которые были в прошлом. Мы все помним 90-е годы, мы через это прошли. Масштаб нынешних задач, конечно, иной.

ная военная операция их никак не коснулась. И эти люди часто бьют по самому больному — обвиняют, как вы сказали: «Вы ходите, просите, у вас большие зарплаты», или бросают в лицо семье погибшего: «Твой сын хотел денег — вот и получил». Это не единичный пример. И я хорошо запомнила, как на одной встрече отец погибшего рассказал, что услышал такую фразу от своего знакомого.

Мне иногда очень хочется, чтобы на мероприятиях, которые проводит фонд «Зашитники Отечества», побывали люди со стороны. Хотя бы посмотрели.... Может, поняли бы глубину горя.

Нет так давно в Москве проходило вручение медалей. Были приглашены регионы с представителями семей погибших. Я сопровождала семью Героя России Дмитрия Беляева, его маму, Наталью Сергеевну.

Знаете, формат мероприятия был таким... Я думала, сердце разорвётся. Мы едва выдерживали ту боль, что витала в зале. Во время награждения давали возможность выступить членам семьи. Было рассказано столько историй... Это было мероприятие, где плакать было не стыдно, а, наверное, нужно.

Особенно запомнилось, когда на сцену приглашали семьи, где есть и действующие военнослужащие, и погибшие. Выступили отец и брат погибшего. Брат сказал: «Самое тяжелое — это привозить ребят и понимать, что мы их не спасли, и говорить об этом близким». Стоит офицер, не может сдержать слёз — и ты понимаешь всю его боль.

Было выступление одной мамы. Для меня она — олицетворение всех матерей погибших. Она произнесла очень правильную фразу: «Я хочу, чтобы на таких мероприя-

тиях было больше людей — не тех, кого награждают, а тех, кто просто живёт своей жизнью. Чтобы они хотя бы попытались оценить наши потери». И я её полностью поддерживаю.

С одной стороны, каждому родителю, конечно, хочется, чтобы его дети ходили в школу, на секции, гуляли и не думали о войне. Но это не должно превращаться в бездумное веселье, в кутежи в ресторанах. Это неправильно...

Возвращаясь к тому выступлению мамы погибшего героя... Я иногда слышу в комментариях: «Зачем бередить раны семей, не надо их трогать, дайте им право на их боль». Меня это возмущает. Я всегда говорю: перебросьте эту ситуацию на своих близких. Разве вы хотели бы видеть свою маму, которая день за днём живёт на кладбище у могилы сына? Вы бы делали всё, чтобы вернуть её к жизни.

Поэтому мы и поддерживаем такие проекты, как «Мамино сердце». Через социальных координаторов, через индивидуальную работу. Мамы прекрасно понимают: их мальчишки живы, пока о них помнят. А чтобы помнили — о них должны знать. Рассказать на уроке мужества, показать фотографию матери с сыном, с его наградами, услышать его историю — это очень важно.

Да, я понимаю, будут люди, которые закроют глаза и уши. Бог им судья. Но будут и те, кто, прикоснувшись к этой боли, увидит силу матери, поймёт: мы живы сейчас, потому что они погибли, они не пустили врага.

Я вижу, какая отдача идёт от участия мам. Выставка экспонируется по округам, по домам культуры. И важно, что, приезжая на эти мероприятия, на фотосессии, мамы

поддерживают друг друга. С ними работает психолог — не в классическом формате, а тот, кто умеет мягко встроиться в их ситуацию. Сейчас уже формируется своё материнское сообщество. Сейчас мамы встречаются на нашей площадке, они уже вместе выезжают на экскурсии. Почему создаются организации, такие как Ассоциация Ветеранов Боевых Действий? Формируется сообщество, которое будет помогать своим. Это тоже очень важно.

— Увы, до сих пор бытует мнение, что лучше не транслировать «истории потерь», что вот пусть они консолидируются — и в горе, и в помощи — внутри своих ветеранских сообществ.

— Я за то, чтобы это видели другие люди. Я за то, чтобы это транслировали. Это наша жизнь. И когда мне говорят: «Вот закончится СВО — и будет как раньше», я отвечаю: не будет. Мир изменился. Изменились мы, изменились ребята, изменились семьи. Всё изменилось. И надо не «привыкать», надо перестраиваться. Если раньше общество могло себе позволить закрывать глаза на проблемы, например, ребят-инвалидов, то сейчас мы должны меняться. И, хотим мы того или нет, нам необходимо перестраиваться. Чем быстрее мы это сделаем, тем легче будет всем. Потому что любой парень, который возвращается, не должен чувствовать себя ущемлённым. Нам придётся менять рабочие места, адаптировать их. И хорошо, что этот процесс уже пошёл. Но надо понимать: это не эпизод, не редкий момент. Нет. Поэтому уже сейчас мы должны сделать в нашем регионе максимально всё, что возможно. ■

СВО: поддержка участников специальной военной операции

Целостная система «За Добро» во взаимодействии:

- филиала госфонда «Заштитники Отечества»;
- региональных органов власти;
- активов муниципалитетов;

К программе подключено более 6000 семей.

В 2025 году создана система поддержки «одного окна» — объединение усилий Центра поддержки участников СВО и филиала Государственного фонда «Заштитники Отечества».

Меры поддержки

50 видов социальной поддержки (в 2023 – 40 видов), 17 в денежной форме. Все меры поддержки членов семей участников СВО бессрочные. Наиболее востребованные:

- бесплатное горячее питание для учащихся 5–11-х классов;
- государственная социальная стипендия;
- освобождение от родительской платы за детский сад;
- льготы при поступлении в образовательные учреждения.

Количество получателей мер поддержки постоянно увеличивается, а категории их получателей расширяются.

Единовременная выплата при заключении контракта

Региональная часть увеличена с 800 тысяч до 1 миллиона рублей (вместе с федеральной 1,4 миллиона рублей).

Совершенствуется порядок выплат за ранения, в том числе, введена мера поддержки за ранение бойцов в добровольческих формированиях и членам семей в случае их гибели.

Единовременная денежная компенсации взамен предоставления земельного участка в собственность бесплатно для участников СВО, имеющих статус ветеранов боевых действий, награжденных орденами РФ.

Реабилитация в 15 медицинских организациях, в том числе, в обновленном Центре медицинской реабилитации в Смоленске и на базе многопрофильного центра комплексной реабилитации и абилитации «Вишенки».

Члены семей участников СВО также имеют право на бесплатную реабилитацию в центре «Вишенки».

Герои СВОего времени

6 февраля — старт региональной программы «Герои СВОего времени. Смоленск». 273 человека заявились для участия. 26 человек отобрано: 13 на очное обучение и 13 на отложенное обучение Программы. С 12 по 19 октября прошел 1 модуль обучения (лекции и мастер-классы с преподавателями РАНХиГС, СмолГУ и сотрудниками правительства Смоленской области).

Стажировки в органах власти и муниципалитетах Смоленской области

Наставники — главы округов, министры, заместителей председателя правительства.

Программа «Пять шагов к СВОему делу:

- помочь в выборе бизнес-идей;
- консультации по вопросам открытия своего дела;
- обучение основам предпринимательской деятельности;
- сопровождение процедуры регистрации ИП;
- помочь в выборе мер государственной поддержки и финансирования.

Также возможно:

- заключение социального контракта (до 700 тысяч рублей на открытие дела или до 550 тысяч рублей на ведение личного подсобного хозяйства в рамках федерального и регионального соцконтрактов);
- грант до 500 тысяч рублей на свой проект по программе «Первый старт»;
- микрозаймы Фонда поддержки предпринимательства по льготным процентным ставкам.

Информационно-аналитический журнал «О чем говорит Смоленск»	Шеф-редактор Ванифатов Евгений Валерьевич	Электронная версия журнала https://journal.smolensk-l.ru/	Свидетельство о регистрации ПИ Н ТУ67-00081 от 22.01.2010	Журнал «О чем говорит Смоленск» зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Смоленской области	Отпечатано в ООО «АЗ ПРОЕКТ» 214036, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Рыленкова, д. 74, кв. 56 +7-964-617-19-55 Подписано в печать: 10.12.2025 в 18.00 (по графику: 18.00) Дата выхода в свет: 16.12.2025 Тираж: 3 000 экз. Свободная цена Заказ: 2025-04820
№13 (316) 16 декабря 2025 г.	Дизайн/верстка Наталья Голубкова	Редакционная почта smolredaktor@yandex.ru	Адрес редакции 214000, Смоленская обл., г. Смоленск, ул. Октябрьской рев. д. 14а		
Главный редактор Савенок Светлана Николаевна	Фото Екатерина Сидоренко	Периодичность выхода 13 раз в 2025 году	Адрес издателя 214000, Смоленская обл., г. Смоленск, ул. Октябрьской рев. д. 14а	Учредитель ООО «Группа ГС»	

ЗАПРЕЩЕНО ЛЮБОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ, РАЗМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ, БЕЗ СОГЛАСИЯ РЕДАКЦИИ

Армия России

от **3 900 000 ₽**

годовое денежное довольствие
в зоне СВО в первый год контракта

1 400 000 ₽

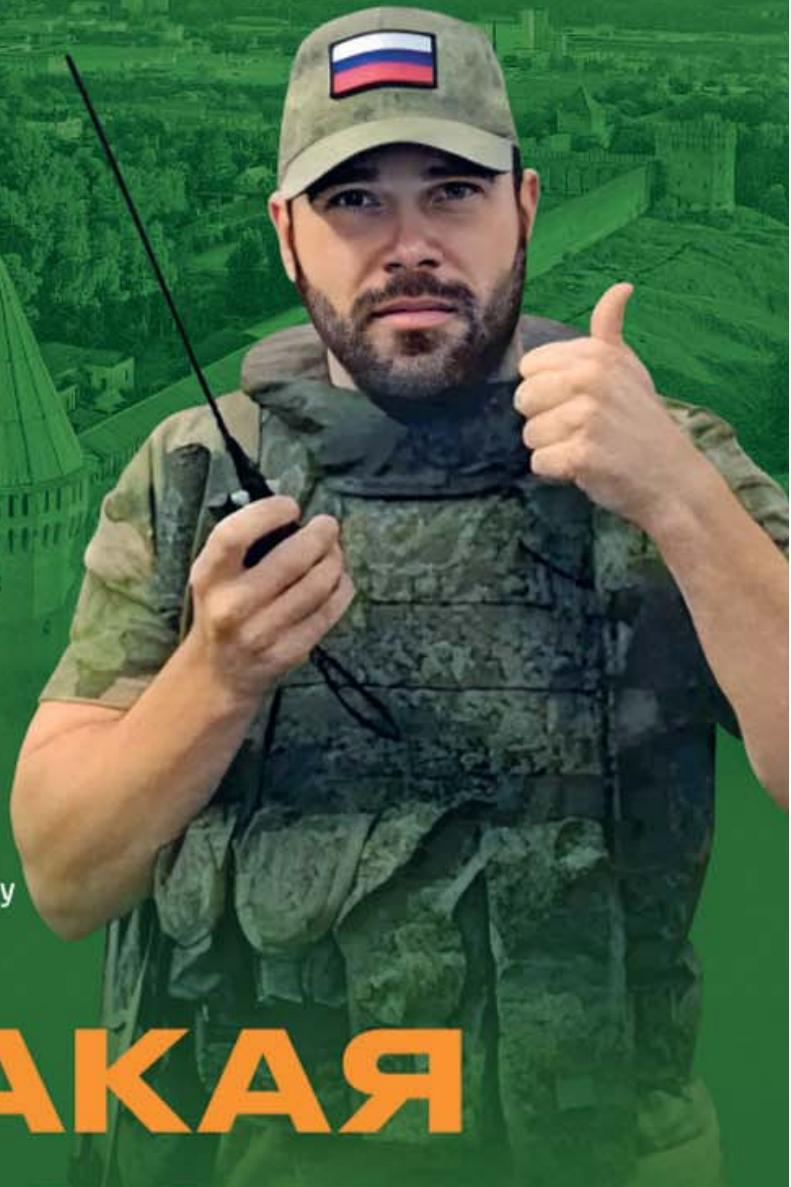
ЕДИНОВРЕМЕННО

от **210 000 ₽**

ежемесячно

100 000 ₽

единовременная выплата за содействие
в привлечении граждан к службе по контракту
(единий контакт-центр: 8-800-10-000-01)

**ЕСТЬ ТАКАЯ
ПРОФЕССИЯ –
РОДИНУ
ЗАЩИЩАТЬ**

+7 (4812)

**68-71-45
22-15-22**

г. Смоленск, ул. Маршала Жукова, д. 12/2
contract.smolensk.ru

